

Михаил ПОПОВ

ЦИТАДЕЛЬ ТАМПЛИЕРОВ

Серия исторических романов

Михаил Попов

Цитадель тамплиеров

«ВЕЧЕ»

2011

Попов М. М.

Цитадель тамплиеров / М. М. Попов — «ВЕЧЕ»,
2011 — (Серия исторических романов)

XII век, Иерусалим. В схватке за Святой город столкнулись король Бодуэн IV и грозный лев ислама – Саладин. Но не меньшую роль в развитии событий играют и «тайные властители» – магистр ордена тамплиеров и загадочный Старец Горы с армией убийц-ассасинов. Кровь, золото, любовь и предательство – все смешалось в большом котле, кипящем на костре ярости, интриг и амбиций. Грядет решающая битва, которая должна спасти или погубить королевство крестоносцев.

© Попов М. М., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Об авторе	6
Часть первая	8
Глава I. Чечевичное зерно	8
Глава II. Пирамиды Синана	12
Глава III. За несколько лет до описываемых событий	15
Глава IV. Хижина	18
Глава V. Хижина (Продолжение)	22
Глава VI. Первая встреча, или Бо-Сеан	24
Глава VII. Слуга	28
Глава VIII. Возвышение	33
Глава IX. Его величество...	38
Глава X. ...Король иерусалимский	43
Глава XI. Разговор на рассвете	47
Глава XII. Ночная серенада	50
Глава XIII. Сестры	53
Глава XIV. Год собаки	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Михаил Попов

Цитадель тамплиеров

© Попов М. М., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Об авторе

Михаил Михайлович Попов родился в 1957 году в Харькове. Учился в школе, сельскохозяйственном техникуме и литературном институте. Между техникумом и институтом два года прослужил в Советской армии, где и начал свою литературную жизнь, опубликовав романтическую поэму в газете Прибалтийского ВО. Сочинял и публиковал стихи. Выпустил три сборника. Но одновременно писал и прозу. Дебют на этом поприще состоялся в 1983 году, в журнале «Литературная учеба» была опубликована повесть М. Попова «Баловень судьбы».

В 1988 году вышел роман М. Попова «Пир», и, несмотря на то что речь в нем шла о жизни психиатрической больницы им. Кащенко, роман был награжден Союзом писателей СССР премией им. А. М. Горького «За лучшую книгу молодого автора».

Круг профессиональных литературных интересов Михаила Попова всегда был широк, и с самого начала одним из наиболее заметных направлений в его работе была историческая романистика. В 1994 году он выпустил роман «Белая рабыня», об архангельской девчонке, ставшей во второй половине XVII века приемной дочерью губернатора Ямайки и устроившей большой переполох в Карибском море. Морская тема была продолжена романами «Паруса смерти», «Барбаросса», «Завещание капитана Кидда». Но и на суше у исторического романиста Михаила Попова есть свои интересы. Большим успехом пользуется у читателей и постоянно переиздается его роман «Тамерлан», в котором описываются годы становления знаменитого полководца, его трудный и извилистый путь к трону повелителя Азии. Вслед за образом диктатора восточного писатель обратился к образу диктатора западного образца, первого единоличного римского правителя Суллы (роман «Темные воды Тибра»). Объемистый роман посвящен и истории Древнего Египта («Обреченный царевич»), где речь идет, наоборот, не о властителе, а о ребенке, мальчике Мериптахе, ставшем невольной причиной крушения в стране фараонов власти «царей-пастухов» – гиксосов.

Особое место среди исторических романов занимают книги, посвященные исследованию такого загадочного и весьма неоднозначного феномена, до сих пор волнующего воображение миллионов людей в разных странах, как орден тамплиеров. Несмотря на то что с момента его официальной ликвидации в 1314 году прошло сравнительно немного времени, осталось чрезвычайно мало документов, на которые можно было бы надежно опереться при создании книги о тамплиерах. Деятельность храмовников в Палестине – вообще сплошная загадка. Михаил Попов дает свою версию событий, происходивших в XII–XIII веках на Святой земле, и свой взгляд на то, какую роль в этих событиях сыграли рыцари Храма. Романы писателя «Цитадель тамплиеров» и «Проклятие тамплиеров» вызвали большой интерес у читателей, имели место даже массовые ролевые игры на основе сюжета этих книг в Белоруссии и Тверской области.

Помимо исторических романов в традиционном понимании Михаил Попов написал несколько произведений как бы межжанрового характера, и исторических и фантастических одновременно. Таких как «Огненная обезьяна», «Вавилонская машина», «Плерома».

Когда М. Попов пишет о современности, он не ограничивается темой сумасшедших домов, как в романе «Пир», он интересно и внимательно исследует психологию современного горожанина, что и отразилось в его романах «Москаль», «Нехороший дедушка», «Капитанская дочь».

Но все же, как нам кажется, М. Попова следует считать по преимуществу романистом историческим. Более того, есть сведения – несмотря на уже написанные им две книги о тамплиерах, – что автор не считает разговор о рыцарях Храма законченным.

Избранная библиография М. М. Попова:

- «Пир» (1988)
- «Белая рабыня» (1994)
- «Паруса смерти» (1995)
- «Тамерлан» (1995)
- «Темные воды Тибра» (1996)
- «Барбаросса» (1997)
- «Цитадель тамплиеров» («Цитадель», 1997)
- «Проклятие тамплиеров» («Проклятие», 1998)
- «Огненная обезьяна» (2002)
- «Вавилонская машина» (2005)
- «Плерома» (2006)
- «Москаль» (2008)
- «Обреченный царевич» («Тьма египетская», 2008)
- «Нехороший дедушка» (2010)
- «Капитанская дочь» (2010)
- «Кассандр» (2012)

Часть первая

Глава I. Чечевичное зерно

- Только безумец отправится в горы по этой дороге, – мрачно сказал хозяин харчевни.
- Это короткий путь, – негромко ответил дервиш.

Ел он жадно. Его засаленный, во многих местах прожженный халат, был надет на голое тело, грязный войлочный колпак надвинут на глаза. Ноги были черны от грязи и с каменными мозолями.

Али Абдалла, хозяин харчевни, в другой ситуации ограничил бы свою щедрость ячменной лепешкой, но к нему зашли поиграть в кости судья Аттар и смотритель воды Джафар. Абдалла хотел выглядеть щедрым.

– Ты не хочешь прислушаться к нашим словам, – сказал кади, – но, клянусь знаменосцем пророка, ты их еще оценишь.

– Мне говорили, что львы здесь не водятся, а разбойникам я не нужен, – заметил дервиш.

- Да, – усмехнулся толстяк Абдалла, – львов давно извели. Однако не всех. Есть один... Гости глянули на хозяина так, что он осекся.

Дервиш поставил на кошму опустошенную им глиняную миску и легко встал.

- Святой человек, сейчас принесут финики, – неуверенно сказал харчевник.

- Я спешу, – глаза дервиша блеснули из-под колпака.

У выхода он остановился и сказал:

- Да не покарат вас Аллах за вашу доброту.

Дорога была присыпана белой, горячей пылью, слева шумел ручей, над ним нависали кроны сирийских чинар, справа порос сухой травой пологий подъем на отроги Антиливана.

Дервиш решительно зашагал к меловым вершинам, схожим с грядой облаков.

Он шел полдня, и никто ему не встретился, никто его не перегнал. Дорога выглядела заброшенной. Ручей ярился и грохотал в своем каменистом ложе. У опушек кедрового леса мелькнули серебристые спины косуль. Кедровник сменили влажные цветущие луга с травами по колено. Дервиш вошел в сухое ущелье, как в коридор с шершавыми стенами. И услышал дальний цокот подков. Лошади приближались.

Опершись на палку, дервиш остановился.

Из-за поворота показались всадники в белых тюрбанах и белых кафтанах с красными поясами. Двое всадников отделились и неспешно подъехали к дервишу.

- Кто ты и что здесь делаешь? – высокомерно спросил один.

Дервиш молча развязал пояс и что-то достал из него.

- Передай своему господину.

Всадник вскинулся:

- Это – чечевица. Ты смеешься надо мной!

- Во имя отца нашего и повелителя, – тихо произнес дервиш.

Всадник уставился на зернышко, потом на дервиша, развернулся и поскакал к своим.

- Отдай ему своего коня, – сказал старший, увидев зерно.

Фидаин выполнил приказание и спешился, дервиш взлетел в седло. Разъезд двинулся вспять – вверх по ущелью.

К вечеру показался замок Алейк, высвеченный закатным солнцем. Он был угрюм и высился над рекой, клочковавшей в разломе плосковершинной горы. Над ним неслись облака.

Всадники остановились у края разлома. В замке раздался протяжный крик и оттуда медленно опустился мост через шумевшую речку.

Дервиш спрыгнул с коня и вбежал по широким ступеням на каменную веранду. За короткими лестницами и алебастровыми сооружениями павильонов завиднелся крепостной сад, обнесенный каменным кружевом стен. Дорогу тут перекрыл невысокий толстый старик.

– Погоди, Исмаил, – сказал евнух. – Тебе приготовлена баня. Хвала Аллаху, ты цел. Отдохни.

– У меня важные новости, Сеид-Ага.

Евнух всплеснул руками, все еще загораживая дорогу.

– Неужели ты думаешь, Исмаил, что есть на свете такое, что можешь знать ты, но не знает имам?

Исмаил понял, что евнух действует по воле господина.

* * *

Распластавшись на мраморной скамье и предоставив себя заботам дюжего банщика, Исмаил размышлял о капризе повелителя. Каждый раз, выполнив очередное смертельно опасное поручение, Исмаил попадал в теплые объятия имама, не успев сбросить грязный плащ.

Перевернув Исмаила на живот, банщик надел козую рукавицу и занялся его спиной...

Не могло быть, чтобы кто-то его опередил, и повелителю уже известно, что эмир Хасмейна не посмел углубиться в горы. Никто не мог его опередить. Он покинул шатер эмира в полночь и на рассвете был уже на большой Дамасской дороге. Здесь какая-то загадка...

В сопровождении улыбающегося Сеида и двух фидаинов Исмаил прошел через пышный сад, поднялся по узкой, шириной в одну грудь, лестнице на просторную веранду. С нее уводили три коридора. У входа в каждый стоял фидаин со спрятанными за спиной руками. Сопровождающие тоже молчали. Еще не отвыкший от шума и суеты внешнего мира, Исмаил заново пережил ощущение здешней тишины. В замке, где находилось несколько сот человек и столько же лошадей, где готовили пищу, стирали одежду, упражнялись с оружием и пытали людей, всегда было тихо, как в склепе.

Сеид-Ага сделал знак четырехпалой рукой (у него на обеих руках не хватало мизинцев) и, оставив сопровождающих, повел Исмаила по левому коридору.

Комната представляла собой полусферу с прорезью в сторону священного камня Каабы. По крайней мере, так решил Исмаил. На каменном полу лежала квадратная циновка из морской травы. На ней Исмаил увидел лежащего ничком человека. Ноги подогнуты, руки распластаны.

Фидаин смутился, он впервые видел повелителя в таком положении. Время вечерней молитвы давно прошло. Впрочем, Исмаил догадывался, что имам и его заместители в других замках Антиливана молятся как-то по-своему. Говорить об этом не было принято. И вот имам Синан открывает ему один из секретов высшего обряда. Не хочет ли старик приблизить его?

Такие мысли являются прежде, чем подозрения.

Лежавший приподнялся. Постоял на коленях. Затем встал в полный рост. Сердце фидаина застучало сильнее. Его преклонение перед этим человеком не знало пределов.

– Ну что ж, говори, Исмаил, – сказал имам.

– Твое повеление выполнено, – взволнованно, громко произнес фидаин.

Имам повернулся к нему. Он был широколицый, безусый, со шрамом на подбородке. Его правое веко замерло в вечном прищуре – как и шрам на подбородке, следствие падения с лошади в юности.

– Ты говоришь, мое повеление выполнено?

– Аллах свидетель! – поспешил сказать Исмаил. – Завтра дюжина вестников примчится сообщить, что войско Хасмейнского эмира повернуло вспять.

– И что, эмир Бури мертв?

Фидаин смешался.

– Ты молчишь?

– Эмир Бури жив.

Имам прошелся по своей странной молельне, шаркая подошвами расшитых мелким жемчугом туфель по каменному полу.

– Надо понимать, что ты уговорил его не нападать на замок Алейк?

– Можно сказать и так, повелитель.

– Продолжай.

– Я мог его убить. Я проник в его шатер и воткнул кинжал рядом с его головой.

– И ушел?

– Да, повелитель.

– Почему ты решил послушаться моего повеления?

Исмаил сложил молитвенно руки.

– Чтобы лучше угодить тебе, повелитель.

Синан подошел вплотную к своему слуге. Левое веко опустилось до уровня правого.

– Когда ты успел стать мастером словесных игр, Исмаил?

Тот опустил глаза.

– Молчишь? Молча – не объяснишь.

– Я рассудил, что страх Хасмейнского эмира будет нам лучше, чем его смерть. Его взрослый сын Джамшид, по слухам, прекрасный воин. Он захотел мстить за отца. Бури, увидев кинжал рядом со своей головой, понял, что в твоих силах, повелитель, убить его в любую минуту, если он поднимет меч против Алейка. Поэтому, пока Бури жив, Хасмейн нам не опасен.

– Ну хорошо, если даже я сочту твои действия и объяснения разумными, что я должен думать о твоей удачливости, Исмаил? Невозможно прокрасться в шатер полководца, стоящий посреди его войска. Но меня занимает не то, как ты прокрался в шатер Бури, а то, каким образом ты ушел из него. Живым.

– Я подумал, что имеет смысл поискать союзников в лагере Бури. И искал я их среди людей, стоящих высоко.

– И нашел? – резко остановился имам.

– Нашел.

– Кого, например?

– Визирь Мансур, как я догадался, является вашим тайным приверженцем, повелитель.

Да и другие визири тоже сочувствуют делу исмаилитов и ненавидят потомков Аббаса.

– Как тебе удалось дознаться?

– У меня есть глаза и уши, поэтому я смотрю и слушаю.

Имам подошел к проему в стене и некоторое время рассматривал облака, проплывающие над замком. Или делал вид, что рассматривает.

– Ты удивляешь меня, Исмаил, – сказал наконец он, – возможно, ты заслуживаешь награды. Благословение Аллаха, враги сторонятся нас.

– Слава Аллаху и... – начал было фидаин.

– Но не все, – резко прервал имам.

- Ты имеешь в виду назореев, повелитель?
- Завтра прибудет посольство иерусалимского короля. И знаешь, чего они будут требовать от нас, эти франки, – дани!
- Дани?!
- В противном случае они грозят войной. Впрочем, нам все грозят войной.
- Но разве не можем мы...
- Ты имеешь в виду путь неотвратимого кинжала? Возможно, до этого и дойдет, и тогда ты мне можешь понадобиться, удачливый Исмаил.
- Приказывай! – знакомый Синану фанатический блеск зажегся в глазах юноши.
- Прикажу, – усмехнулся имам. – Но сначала хочу попробовать нечто. Ты знаешь, где находится Нубия?
- Нет, повелитель.
- А кто такой фараон?
- Нет, повелитель. Может быть, царь?
- В общем, да. Так вот, к фараону явились послы царя Нубии требовать дани. Чтобы их образумить, фараон велел показать им лучшие войска. Они сказали, что их воины не хуже. Им показали лучшие боевые корабли. Послы сказали, что их корабли больше этих. Тогда фараон приказал отвести послов к пирамидам. Посмотрев, послы сказали, что нападать не станут. Ты понял?
- Я не знаю, что такое пирамиды.
- Имам вздохнул.
- Может быть, это и хорошо. Дело в том, что пирамиды есть и у меня. И я покажу их франкам.

Глава II. Пирамиды Синана

Посольство иерусалимского короля возглавляли граф де Плантар и барон де Бриссон. Все рыцари были в облачении, крупы коней покрыты белыми плащами с черными крестами. Барон де Бриссон отличался тем, что крест на его плаще был красного цвета, как полагалось рыцарю ордена храмовников.

Замыкали кавалькаду оруженосцы и слуги. Цокот копыт далеко разносился по ущелью, и это раздражало графа де Плантаара. Его одутловатое лицо с рыжей бородой выражало крайнюю степень недовольствия.

– Какие мысли заставляют вас хмуриться, граф, – спросил де Бриссон, – что вам здесь так уж не нравится?

– Многое, сударь, многое. Например, то, что мы с самого утра не видели ни хижины, ни землепашца, хотя земли на вид плодородны. Мне не нравится, что именно нас отправили договариваться с этим отцом наемных убийц. Наконец, не нравится, что мы шумно возведем о своем приближении.

Де Бриссон согласно кивнул.

– Этот край как бы пропитан духом мертвецкой. Крестьяне отсюда бегут. Кому охота иметь такого соседа, как старец Синан.

– Вот именно.

– А что до шума: мы – посольство, а не шайка ночных грабителей, нам нечего скрывать. Чем-то же мы должны отличаться от фидайнов. – Кроме того, – продолжил барон, – нас давно обнаружили. И тайно сопровождают.

– Что?!

– Обратите внимание во-он на тот валун и на куст рядом с ним. Там красуется сарацинский тюрбан.

Граф де Плантар посмотрел и сказал, багровея:

– Клянусь крестными муками Спасителя, там кто-то сидит.

Конь графа остановился. Рыжие усы посла встопорщились.

– Думаю, что при желании они могли бы покончить с нами, – негромко сказал барон.

– Каким образом? – надменно спросил граф, опуская ладонь на рукоять меча.

– Например, завалить камнями. Но они признают нас посольством.

Посол тронул коня вперед, и оставшийся путь всадники проехали без остановок.

– О лошадях и слугах позаботятся, а я провожу вас, – на великолепном лингва-франка сказал улыбающийся Сеид-Ага, встретив посольство при въезде в замок.

Крестоносцы мрачно оглядывались. Им не понравились тишина и безлюдность.

– Сюда, прошу вас, сюда, – пятился в полупоклоне Сеид.

Придерживая шлем на сгибе закованной в латы руки, придав своему лицу суровость, граф де Плантар решительно надвигался на евнуха. Вслед за ним барон де Бриссон и еще пятеро высокородных рыцарей шагнули на камни внутреннего двора. Плащи колыхались в такт их тяжелым шагам. Перед ними катилась волна воинственного грохота.

Пройдя по залам, украшенным каменной вязью, посольство оказалось во внутреннем саду замка. Сеид предложил подождать, пока повелитель закончит свою молитву. Им самим нужно было осознать увиденное.

Рыцари были наслышаны о богатствах здешних владык.

Но такого количества золота, жемчуга, бирюзы не набралось бы во всех вместе рыцарских замках по ту сторону Иордана. Тем справедливее казались послам их требования, на коих они собирались настаивать.

Некоторое время франки топтались на хрустящем лесочке, разглядывая растительные диковины и чудеса. Их заинтересовал изящный фонтан, напевавший какую-то песенку. Откуда здесь, на вершине скалы, взялась вода для фонтана? Носатые сине-желтые птицы в золотых клетках переговаривались на своем птичьем наречии, будто обсуждая странных гостей.

– Нечто подобное я видел в Андалузии, – сказал пожилой неразговорчивый эльзасец Ролан де Борн, состарившийся на войнах с сарацинами.

Один попугай вдруг громко и оскорбительно захохотал. Железное посольство резко повернулось к нему.

– Это всего лишь птица, – раздался высокий голос.

То был повелитель, Старец Горы Синан. Впрочем, вряд ли этому человеку с застывшим в полуприщуре правым веком и с золотым обручем на голове было больше сорока пяти лет. На нем была белая бедуинская накидка.

Граф де Плантар приложил железный кулак к своей кольчужной груди в знак приветствия, слегка наклонил голову и подал носителю золотого обруча продолговатый футляр из синопского бархата. В нем находилось послание иерусалимского короля Бодуэна IV.

Граф сделал все по правилам этикета и по продуманному плану. Но акт передачи послания вызвал неудовольствие остальных членов посольства, поскольку ассасин, выйдя к гостям, остался на едва заметной каменной терраске, а не спустился на общий песок. Таким образом, он оказался выше. Граф де Плантар это понял, что выразилось в апоплексическом покраснении его лица и яростном блеске глаз. Про себя он поклялся, что окривевший старец заплатит за это. И чем более он веселится в начале торгов, тем сильнее будет кусать свои губы, подсчитав выручку. Между тем Синан дочитал послание.

– Государем нашим Бодуэном IV велено нам до трех дней ждать ответа. Ты дашь нам кров в твоём замке, или нам выехать в поле? – граф по инерции произнес эту франкскую дипломатическую формулировку, но, сообразив, где находится, чуть осекся.

– Я не дам вам кров в моем замке, ибо по нашему закону здесь могут ночевать только правоверные, пленники или рабы. Но и в поле, как ты сказал, вам выезжать не придется.

Синан свернул пергамент и сунул в футляр.

– Я отвечу вашему государю прямо сейчас.

Граф сделал полшага назад, принимая удобную позу.

Старец посмотрел в глаза графу.

– Пусть твои спутники отдохнут в саду, а мы с тобой пройдем туда, откуда будет хорошо виден мой ответ.

Фраза показалась графу не слишком внятной. Видимо, мусульманин не вполне свободно владел лингва-франка. Но, по крайней мере, было понятно, что придется куда-то идти. Причем одному. Де Плантар на мгновение обернулся к спутникам. Именно на мгновение. Не дай бог, подумают, что он в замешательстве.

Они вдвоем прошли под ветвями смоковницы, затем поднялись по лестнице и оказались на крепостной стене над диким отвесным склоном. Внизу приглушенно пенился белый жгут реки.

Взгляду предстали развалы и грани гор, сочные полосы хвойных лесов, серо-синие дали в просветах хребта и столкновение облачных масс, осиянных закатом.

– Нет, – услышал граф голос хозяина замка, обретший значительность, – нет, граф, не это я думаю вам показать. Посмотрите...

Де Плантар посмотрел. Стена, повторявшая очертания скалы, выглядела неприступной. Под ней были бездны. Через каждые тридцать шагов меж ее зубцами стоял фидаин со сложенными на груди руками.

Решив, что ему демонстрируют оборонительные достоинства замка Алейк, граф заметил:

– Нет крепостей, которые нельзя взять...

Он нехотяти вспомнил фонтан, посреди сада. В самом деле, откуда на голой скале столько свободной воды? Как брать такую крепость? Но усилием воли он отогнал эти мысли.

– Крепость сильна не стенами, а защитниками, – негромко произнес Синан.

– Доблесть твоих людей известна всей Палестине, – сказал граф, стараясь, чтобы его слова прозвучали иронично.

Старец не мог не знать, что у его фидаинов в Святой земле, да и на всем Востоке, слава отнюдь не рыцарей, а убийц, – но перед лицом, христианского воинства они – горсть.

Синан медленно пошел вдоль крепостной стены к ее выступу. Посол невольно следовал за ним, говоря:

– Сила сарацина в его гибкости и ловкости, но в них же и его слабость. Ибо гибкий – не упорен, ловкий – не решителен. Христианский рыцарь – не только гора железа, но и гора доблести, духа. Сравни оружие. Меч рыцаря прям и победоносен, сабля сарацина изогнута и лукава.

Властитель Алейка добрался до нужного ему места. Треугольный выступ слегка возвышался над стеной, и стоявший на нем фидаин был виден всем, охраняющим эту часть крепости.

– Мне приходилось слышать подобные речи, граф, – сказал Синан. – Я мог бы ответить, но не стану тебя утомлять рассуждениями. Ибо сказано: «Услышанное входит в уши, увиденное входит в сердце».

С этими словами он обернулся к стоявшему в тридцати шагах фидаину и провел ладонями по лицу, будто совершил омовение. Юноша, не раздумывая, прыгнул с крепостной стены в бездну.

Посол молчал. Синан повторил опыт. Второй воин в белом тюрбане бесшумно сорвался с места. Потом третий, четвертый. Ни один не замедлил.

Закончив демонстрацию, Синан направился к лестнице в сад. Граф де Плантар не сразу смог оторвать железные сапоги от гранита не потому, что они стали вдруг тяжелы. Его руки сами собой сложились и потянулись к лицу, повторяя движение Старца Горы. Но, опомнившись, он опустил их.

Когда граф наконец спустился в сад, Синан ждал его, держа клетку с голубями.

– То, что ты видел, это – ответ твоему королю. Возьми этих птиц. И впредь, прежде чем ступить на мои земли, пошли одну из них, иначе ты будешь убит по дороге.

...Вскоре, уже наблюдая с башни, как пышно-тяжеловесное посольство покидает, следуя по цепному мосту, замок Алейк, Синан сказал замершему рядом евнуху Сеиду:

– Будем надеяться, что франки понятливы хоть вполтину своей неотесанности. Мне казалось, я слышал, как заскрипели мозги рыжеусого варвара, когда он стал думать о том, что я ему показал.

Посольство скрылось из глаз. Почти стемнело. Собираясь покинуть башню, Синан как бы невзначай спросил:

– Послушай, мне показалось, или на самом деле, что там, на стене, среди прочих стоял наш удачливый Исмаил?

– Ты не ошибся, повелитель.

– Он был лучшим. Силен и ловок. Главное, что умен. И вот он на дне мокрой пропасти...

– Позволю себе не согласиться, о, повелитель. Удачливый Исмаил в раю, среди гурий, как всякий, умерший по приказу Старца Горы.

– Хвала Аллаху.

Глава III. За несколько лет до описываемых событий

Водная гладь пруда была усыпана крупными лепестками царского жасмина. В лучах клонящегося солнца посверкивали пушинки – так «линяет» нильский лотос. Едва заметной кисеей была накрыта вся дельта. Осень.

Именно осенью навещал свои египетские владения султан Аюб. Выросший в горах Южной Каппадокии, он скучал и страдал среди плоских водных пространств, туч мошкары и камышовых теснин. Только в середине октября воздух просветлялся и очищался от малярийной одури, и даже на островах дельты можно было вздохнуть полной грудью.

Султан Аюб лежал на широкой террасе, покрытой коврами, за его спиной высились два суданских негра с опахалами из перьев птицы галаиз.

Дворец дель-Арсу, который выбрал для своего отдыха султан, построили во времена Птолемеев, так, по крайней мере, утверждали александрийские книжники. Но для правоверного мусульманина все, что происходило до рождения пророка, представлялось как сказкой. И Рустам, и Искендер двурогий существовали в ней на равных правах. Птолемеи же, как и более древние правители, были бледными тенями.

Из-за колоннады появился глава телохранителей Камильбек и, склонившись к уху повелителя Передней Азии, доложил, что прибыли наследник престола принц Саладин и брат султана Ширкух.

Султан почувствовал, что волнуется. Это еще отчего бы? Ведь записано: всякий человек есть благодать Аллаха. Отчего же сердце правителя бьется неровно при виде именно этого сына?

В облике принца Саладина чувствовалась кровь матери-горянки – черные волосы, орлиный взгляд. Он был хорошо сложен и обещал стать могучим.

Старый вояка Ширкух, брат султана, дядя Саладина – прозвище «меч династии», выучил принца ратным делам. Он был прямодушен и независтлив.

Гости расположились подле султана.

Они уже виделись с ним после похода в Йемен. Теперь не спешили начать разговор. Султан призадумался, глядя своими не потерявшими зоркость глазами на полет пуха в меркнувшем воздухе. Когда-то его отец, султан Шади, передал ему власть по совести и закону. Время текло стремительно. Речь отца Аюб тогда не запомнил настолько, чтобы сейчас дословно повторить ее Саладину. Придется выдумывать свои слова...

Султан вздохнул и выговорил:

– Саладин, ты уже можешь командовать войском...

Ширкух согласно наклонил голову.

– Скоро я передам тебе всю свою власть... – Аюб замолчал, нависла тишина, замерли опахала в руках негров. Крики корабельщиков, доносившиеся с реки, как бы застыли в воздухе. – Давно я думаю о напутствии. – Султан опять помолчал.

– Ты все знаешь о наших землях, ибо исходил их. Ты знаешь наших воинов. Они, слава Аллаху, готовы идти с тобою, куда прикажешь. Казну тебе откроют после моей смерти. Друзья твои известны. Я решил познакомить тебя теперь с твоими самыми сильными и хитрыми врагами.

Принц слушал, опустив голову, как бы рассматривая узор на атласной подушке. При последних словах он поднял глаза.

– Именно так, Саладин. И напрасно ты думаешь, что я собираюсь тебе говорить.

Принц, кивнув, произнес:

– Клянусь знаменем пророка, мне трудно представить, что у мусульманина могут быть более злые и более хитрые враги.

– У простого правоверного, возможно, да. Но ты должен знать, что опаснее всех не тот, кто с мечом идет на тебя в чистом поле, и даже не тот, кто с мешком золота подкрадывается, чтобы подкупить твоё войско...

Простоватый Ширкух вертел головой от брата к племяннику, пытаясь понять, о чем речь.

Султан дал знак, и на террасе возник коротыш в бедуинской одежде, согнутый в полу-поклоне. Он, повинаясь жесту султана, занял место отосланного писца. Саладин подумал, что, отсылая писца, отец спасал его жизнь. Иначе для сохранения тайны писца бы пришлось убить.

Аюб дал брату и сыну время рассмотреть гостя.

– Познакомься, Сеид-Ага, с принцем Саладином и моим братом Ширкухом.

Гость поклонился, сложив руки на груди. Принц увидел, что у него нет мизинцев. Так при дворе сельджукских эмиров метили евнухов. Но Саладин не любил уродцев.

– Слава о подвигах вашего брата и принца разнеслась во всех землях... – сказал евнух.

Султан прервал льстивую речь и представил его:

– Это – Сеид-Ага, доверенное лицо владельца замка Алейк в горах Антиливана.

– И еще замков Кадмус, Массиат, Гулис, – кланяясь, добавил гость.

– Ассасин! – вполголоса воскликнул Ширкух.

Сеид-Ага бросил на него быстрый, оценивающий взгляд и вновь поклонился султану:

– Ты позвал меня, повелитель Египта, я здесь.

Султан отложил аметистовые четки.

– У меня нет к тебе долгого разговора, Сеид-Ага. Я тебе сообщаю, что завтра мой съюз отбывает к армии, что стоит подле Гимса. Она пойдет на Мосул и, да поможет нам Аллах, наконец возьмет его.

Ширкух и принц застыли. Выдать сокровенные тайны банде горных убийц! Но ассасин не смутился. Скорее наоборот.

– Да будет разрушено и это гнездилище аббасидов! – ликующе произнес он.

– Оставим вопросы веры, – сухо прервал султан.

– Да, да, – согласился гость, – я хотел сказать другое, что Мосул может стать новым алмазом в твоей короне...

Аюб сказал с видимой неохотой:

– Я еще не решил, как это объяснить эмиру дейлемитов...

Когда Сеид-Ага встал и его увели в колоннаду, Саладин спросил, с какой стати отец связался со сворой бешеных собак, для которых нет ничего в этом мире святого.

– Я воспитывал в тебе воина, теперь пришло время учиться политике, – сказал отец. – О мерзостях ассасинов я знаю такое, от чего правоверного мусульманина вывернет. Но вынужден с ними договариваться.

– У нас сорок тысяч всадников в Сирии! – воскликнул принц.

– Даже если я брошу все силы на ассасинов, понадобятся годы, чтобы выпотрошить их гнезда. Персы и назореи будут довольны, – сказал султан. – Известно, что ассасины воюют не в поле, оружие их – кинжалы, яды, удавки. Сельджуки с ними не справились. Они ни разу и не приблизились к замкам в горах.

– Это я знаю, – выдохнул Саладин.

– В прежние времена бороться с ними было невозможно, – продолжил отец, – но даже скала порой дает трещину. Старец Аламута из замка неподалеку от Казвина не может поделить власть со старцем замка Алейка. Доверенного негодяя из Алейка вы только что видели. Доверенный скорпион из Аламута прибудет завтра, и я сделаю так, что они увидят друг друга. И мне станет намного легче беседовать с каждым из них.

– Они отдадут нам Мосул?

– Конечно. Оба мне собирались мешать, но оба – помогут. Кстати, Старец Синан намекнул, прислав своего уродца, что ему не нравится концентрация наших воинов у Химса.

– И ты его не зарубил? – удивился Ширкух.

– Он – посол, – развел руками султан. – И такое убийство дорого встало бы. Или тебя, дорогой брат, или тебя, возлюбленный сын, настиг бы кинжал фидаина.

– Даже в лагере, полном наших мерхасов? – не поверил Саладин.

Отец, кряхтя, сменил позу с помощью подоспевших слуг.

– Даже там. Не поручусь, что в моем окружении и в войсках нет тайных исмаилитов – пособников ассасинов. Поэтому, сын мой, не откровенничай ни с кем, кому доверяешь сегодня. Даже мой верный Камильбек не знает моих самых тайных замыслов. То же самое я посоветовал бы тебе относительно твоего лекаря.

– Маймонида?

– Именно.

– Это уж слишком, отец.

– Ничего не слишком в мире измены и зла, все недостаточно в мире добра. Сказано же в Коране: «Разве они не знали, что Аллах знает их тайну и скрытые разговоры, и что Аллах – знающий про сокровенное».

Султан улыбнулся.

– При въезде в город вы, вероятно, видели лекаря, там сейчас много людей с обмотанными ногами.

– Да, – сказал Ширкух, – это – решт, червяк-волос.

– Правильно, червяк-волос, он прокусывает кожу и забивается под нее. Бывает с локоть длиной и больше. Чтобы его весь извлечь, вытягивают кусок хвоста и осторожно наматывают на камышинку. Каждый день на длину ногтя, не больше, иначе порвется и останется в теле. На ночь камышинку с волосом приматывают тряпками. Вот сейчас я схватил за хвост ядовитого ассасинского червя. И не сердись, что я не желаю пока рвануть его изо всех сил.

Принесли баранину для воинов и фрукты для султана, он давно уже не ел ничего, кроме фиников и инжира. И пил только козье молоко. Распластывая баранью лопатку, Саладин спросил:

– На какую же камышинку будешь мотать ты, отец, этот двуххвостый волос?

– Деньги, – сказал султан. – Старцы не поделили какое-то золото. Когда я почувствовал, что ассасинский кинжал не только блестит, но и пахнет золотом, я понял, как действовать. Назорейских королей эта зараза уже сгубила.

Принесли светильники, ибо солнце клонилось.

– Скоро придется покинуть террасу, – сказал Ширкух, отмахиваясь от чего-то, вьющегося в воздухе.

– Ты говорил о назорейских королях, отец, – сказал Саладин.

– О нынешних королях франков рассказывать уже нечего. Это уже не рыцари, прежде искавшие боя, а торгоши. Они не смеют напасть. Мы можем спокойно устраивать сирийские дела.

Ширкух мощно хлопнул себя по щеке.

– Да, – улыбнулся султан, – пора уйти под защиту полога.

Глава IV. Хижина

Сначала была только боль. Она заполняла все, помимо нее не было ничего. Кто он, лежащий не знал. Но вдруг ощутил, что – лежит. Но где, на чем и как долго? Потом осознал, что не слеп, хотя не мог рассмотреть что бы ни было. Впрочем, и не пытался. Время от времени он впадал в дрему, что облегчало сосуществование с болью.

Но так не могло продолжаться. Из балансирования на грани было два выхода – возврат в небытие или возрождение к реальности. И жизненная сила, заключенная в искореженном теле, мало-помалу возобладала.

Он вдруг услышал треск пламени в очаге и открыл глаза, удивившись, что веки подчинились его воле. Он осознал себя в полутьме человеком, распластанным на жестком ложе. Боль перестала быть анонимной и беспредельной.

Вслед за этим открытием пришло следующее. Он понял, что не один. Это его потрясло. Явилась неодолимая потребность заявить о том, что он не знает о своем существовании и о наличии второго существа. Руки и ноги не слушались, но он собрался с силами, на губах его запузырилась слюна, грудь поднялась, полумрак огласило сипение.

– Исмаил, – прошелестел он.

Это было единственное слово, которое знал. Усилие выговорить его отдалось такой болью, что он потерял сознание.

Хозяин хижины, когда сидел неподвижно, напоминал руину. Очень был стар, но глаза светились по-молодому. Старик был плечист, массивен и весь оброс диким волосом. Его низкий, тяжелый голос исходил, казалось, из живота, притом, что губы как будто не шевелились. Так могла говорить гора, к которой отшельник прилепил свое жилище.

Очнувшись, лежащий снова назвал себя:

– Исмаил. Я – Исмаил. – И обнаружил, что может сесть, привалившись к камню стены. Старик прогудел:

– Забудь это имя, – и поднес к его рту миску с зеленоватым питьем. – Выпей.

Исмаил выпил зелье.

Через несколько дней он вовсе очухался, принимая заботы знахаря беспрекословно, хотя эликсиры выворачивали его наизнанку и трясли его уцелевшее чудом тело.

– Зачем ты меня спасаешь, старик? – спросил он как-то.

Все могло быть. Мало ли чего потребует этот отшельник взамен? Как узнать, что у него на уме?

На это старик сказал:

– Не бойся. Я – лекарь. В этих горах я нашел травы, известные древним. Я могу унять жар и колики в почках, лечу лихорадки, нагноения, ушибы, перемежающуюся хромоту, косоглазие, лишаи. Когда я увидел твое разбитое тело на отмели – вид его был безжизненный – я решил попробовать оживить настоящего мертвеца. И – вот...

– Ты всегда один?

– И сейчас, когда ты здесь, я еще более одинок, чем всегда.

– Я не понял тебя.

– А я не старался, чтобы ты меня понял.

Исмаил отхлебнул глоток очередного отвара. Порой Исмаилу казалось, что лекарь – не человек, а в самом деле какое-то чудовище. То он целыми днями как будто не видел в упор Исмаила, то исчезал на несколько дней, не оставляя в хижине ни еды, ни питья. Но Исмаил все терпел.

Хижина, прислоненная к скале, была просторна. В дальнем углу постоянно вился огонь в очаге, сложенном из массивных камней. Над ним висел котел с варевом. На стенах и

потолке сохли травы, связанные в пучки. Вдоль стен теснились глиняные горшки, которых нельзя было трогать.

Возвращаясь к жизни, Исмаил спросил старика, где расположена Мекка, ибо захотел совершить намаз и заодно узнать, почему хозяин не очищает душу молитвой.

– Я молюсь всегда, – отвечал тот.

Исмаил из этого вывел, что старик, скорее всего, не мусульманин. Второй вывод был, что и к назорейской вере он равнодушен.

– Но как же молиться непрерывно? – не удержался он от вопроса. – Когда же есть, пить и спать? Когда жить?

– Зачем жить, если не молиться? – рассеянно спросил знахарь. Он и не думал это обсуждать.

– Но какой бог требует такого поклонения? – возбуждаясь, настаивал юноша.

Старик поднял глаза от принесенных трав. В них Исмаил увидел презрение, смешанное со скукой.

Прошли еще несколько дней; почувствовав, что возвращаются силы, Исмаил предложил старику свою помощь. Тот сказал на это в обычной манере:

– У тебя свое дело есть.

Исмаил едва сдержался, чтобы не спросить – какое? Но понял – обо всем надо догадываться.

Подняли голову ядовитые тени воспоминаний. Мир, с которым он распрощался, прыгнув со стены замка, овладевал его мыслями.

Ощущая боль в суставах и в костях, сросшихся из осколков, Исмаил ворочался на неудобном ложе. В снах он снова и снова видел бледное, бритое лицо Синана, его полуопавшее веко и молитвенно сложенные руки. Они тянулись к лицу, и Исмаил всякий раз делал во сне шаг вперед со стены, унося с собой некий вопрос. Ответ осветил бы смыслы, развязал бы узлы. Но времени каждый раз не хватало. Вновь эти руки, снова холодный провал под ногами. Кошмар повторялся из ночи в ночь. Близился кризис, вроде того, через который прошло изуверченное тело. И он свершился. Исмаил увидел небо над хребтом, белую фигуру на выступе крепостной стены, белые рукава и кисти безжалостных рук. Он послушно бросился в бездну, но вдруг увидел лицо Синана, нависшее над провалом. Вот оно, вот оно! Его безжизненное веко. Второй глаз – живой, в нем издевка и вся громадная рожа надменно и омерзительно улыбается.

Исмаил очнулся с вопросом, который следовал за ответом, данным ему во сне. Он знал, что этому сну нельзя не верить. Этот человек... обманул его! Теперь Исмаил как бы взвешивал и просеивал свою недавнюю жизнь с момента, когда он впервые себя осознал, до того дня, когда лукавый Севд передал ему приказание Синана стать охранником на внешней стене.

Родился Исмаил двадцать три года назад в городке Бефсан к северу от Иерусалима, в семье работающего и богобоязненного красильщика Мансура. Он был младшим. Домашние души в нем не чаяли, а он, получая всегда, что хотел, постепенно сделался настоящим тираном своего семейства; Подростком недолго учился в наилучшем дамасском медресе, но очень рано жизнь стала казаться ему пустой и нелепой, науки ничтожными, а люди его утомляли. И однажды, когда он бездумно лежал под сливой на берегу ручья, скрываясь от всех и всех ненавидя, к нему приблизился некий бродячий проповедник – исмаилит... Он знал свое дело. И через пару часов новообращенный юноша, ни с кем и ни с чем не простившись, радостно шел за ним, сам не зная, куда... Спустя неделю, на двадцатый день месяца мухаррама, он оказался в горах, в загадочном замке в компании четверых сверстников. Их поместили в одной большой комнате без окон, с жесткими циновками. Кормили скудно...

И появился Синан, ответивший на вопросы. Он хотел полного подчинения в обмен на рай и обещал его показать. Хоть завтра.

Но прежде, сказал, познакомит их с фидаином, который уже в раю, но ненадолго вернется... По вызову.

В главной зале перед креслом имама на серебряном блюде лежала отрубленная голова. Она была в кровоподтеках. Несмотря на это, они все узнали эту голову. Новообращенные юноши узнали фидаина, о котором известно было, что Старец Горы послал его в город Тивериаду. Там его схватили и обезглавили. Он попал, как и было ему обещано, прямо в рай.

Синан протянул к окровавленной голове свои сухие жилистые ладони и замер, зашевелив губами. Голова ожила, задышала, захлопала веками.

– Гасан, – медленно сказал Старец, – рассказывай, где ты, что видишь, что делаешь.

Голова зашевелилась, окровавленное лицо озарила улыбка. Рассказ был недолог. Гасану не терпелось вернуться в рай – к женщинам, яствам, божественным винам...

– Хочешь ли ты опять в наш мир, Гасан? – спросил Синан напоследок.

– Нет, нет, повелитель, – молвили уста. – Ты хочешь меня наказать? Я верно служил.

– Что же, – кивнул Синан, – будь по-твоему.

Новообращенные были потрясены.

Спустя время Исмаил удостоверился в том, что волею Старца Горы он и при жизни может побыть в раю. Но – недолго. Как всегда днем он задремал на своей циновке и очутился в тени смоковницы и ореховых деревьев. На столах были яства и вина. Изголодавшиеся фидаины и Исмаил быстро насытились, и из ласковой тени явились ему две гурии в прозрачных одеждах. Они затеяли с юношей любовную игру. А когда их ласки утомили Исмаила, он увидел в саду Махмуда, и они снова пили вино, пока не уснули.

Очнувшись Исмаил на своей циновке. И все, как он, вернулись из рая, но каждый – из своего.

Когда появился Синан, они распластались у ног повелителя. Синан же сказал, что снова попасть в рай, уснув на циновке, никак невозможно. Единственный вариант – умереть в бою либо же по его, Синана, приказу.

– Так приказывай! – загалдели они.

Он ответил, что это не шутки, не баловство, а надо кое-чему научиться... Надо стать сильными воинами истинной веры и, например, уметь убивать без оружия. Это – искусство. В замке есть школа для будущих фидаинов...

И Исмаил оказался талантлив; первым из всех он научился всему. Метать кривой эламский кинжал, пробивающий с двадцати шагов любые доспехи, кроме старинных парфянских... Стрелять из полой камышины отравленными колючками, как стреляют берберы, а из халдейского лука – воспламеняющимися стрелами... Сельджукской саблей он владел лучше, чем иной – собственной мыслью. Он узнал, из каких костей и жил состоит человек и в какую точку его ударить рукой, ногой или ткнуть пальцем, чтобы лишить сознания или убить.

Неделями Исмаил мог жить без пищи, при том не теряя силу и ловкость, сутками стоять в ледяной воде. И сколь угодно долго не спать. Он умел приручить дикого верблюда, кричать по-звериному и объясняться на разных наречиях.

Друзей, правда, не было. Не полагалось. Юношей, побывавших в раю, разделили. Каждого пестовал свой наставник. Откуда взялись эти карлики?... Их все боялись.

Через два года Синан приказал Исмаилу убить эмира Мерва. Это было экзаменом. Чем провинился этот эмир, Исмаила ничуть не интересовало. Через две недели он был уже в городе.

Эмир Мерва ждал тайных гостей, к нему приблизиться было немислимо. Но Исмаил проник во дворец, задушил носителя опахала, надел его платье и возник за спиной эмира,

спокойно сидевшего у достархана. В момент, когда насытившийся бараниной правитель Мерва мыл руки, дабы перейти к ореховому шербету, ассасин древком опахала ударил его в основание черепа. И убил. Исмаил скрылся через зверинец со львами, выпустив их на волю. Пока львы шныряли по саду, он выбрался из дворца и из города.

Синана весьма удивило его возвращение. После второго такого успеха и, особенно, после третьего Старец приблизил его к себе, публично назвал его самым острым своим кинжалом и перестал поручать ему чересчур опасные дела. Исмаил грелся в лучах почти отцовской любви Синана. И, естественно, появились завистники.

Исмаил был счастлив принадлежать к всесильному братству. То, что ни одна армия не смогла и приблизиться к стенам замка Алейк, убедительно доказывало, что «красные пояса» воистину угодны Аллаху и находятся под его покровительством. Горят города, гибнут народы, мельчают династии, богатства накапливаются и расточаются, и только в замке Алейк из года в год один порядок, одна истина, один имам. Разве не показывает это, что Аллах не на стороне аббасидов, отцов и чад гибели? Нет, ему ближе всех правоверные почитатели имама Али.

И лишь одна легкая тень лежала на сияющем, как утреннее солнце, образе Старца. Знающие вспоминали, что несколько лет назад Синан звал себя наместником имама, не называемого по имени. А потом внезапно сам стал имамом, возвысив себя перед вечностью. Как это вышло, никто не понял. Спросить казалось невыносимым...

Глава V. Хижина (Продолжение)

Радостно прыгнув в пропасть и пережив свою смерть, Исмаил ощутил, что как бы прозрел. Он увидел все в другом свете – резком и беспощадном.

Не было никакого рая, а было – одурение. И существует ли замок Алейк, или замок – сон? Нет бога, кроме Аллаха, но... может, нет и Аллаха? Кому же молиться?! Кому старик беспрерывно молится?

Исмаил богохульствовал, но ничего не случилось, небо молчало. Он приподнялся на локте, желая увидеть хозяина на его ложе. Глаза освоились с мраком, но различили лишь кучу шкур.

– Эй, старик! – позвал он негромко.

Полог у входа распался, старик, сопя, вошел в хижину и стал устраиваться в своем углу. Его сопение стало громче.

Отныне все изменилось. Исмаил ощутил себя годным для жизни и сильным. Хвори ушли. Пора было выйти из хижины к свету. Не о чем стало спрашивать обомшелого лекаря. Одно лишь хотел узнать Исмаил, вспомнивший, наконец все, что было.

– Ты сказал, чтобы я сменил имя. Зачем? – спросил он без предисловия.

Старик покосился. Отблеск огня упал на его лицо, поросшее дикими волосами. Он приподнялся.

– Пошли, – послышался его голос.

Исмаил оперся руками, встал на свои едва зажившие ноги и шагнул, сцепив зубы, к выходу. Старик был уже снаружи. Оттуда ударило свежестью. Исмаил почувствовал себя статуей, которую вынудили двигаться, и побоялся развалиться на части. Одновременно он ощущал себя ребенком, только что появившимся на свет.

Лекарь поманил его к себе, находясь шагах в двадцати. Зачем так далеко?! Расстояние казалось непреодолимым. Но не подчиниться нельзя. И он добрался, добрел. Старик ухватил его мощными пальцами за руку и велел:

– Гляди...

Перед ними была зеркальная вода в выбоине скалы. Она отражала небо и кедры.

Исмаил наклонился и вскрикнул. На него смотрело жуткое, темное лицо, поросшее клочковатой бородой и все в шрамах. Исмаил не узнал себя. Он – не он.

– Тебе надо другое имя, – сказал старик. – Ты теперь – Анаэль.

– Анаэль? Это что?

– На одном древнем языке это значит – «внемли мне, Бог!».

В наследство от прошлого Анаэль получил только желание отомстить. Старец Горы украл у него не коня, не жену, не золото и не жизнь. Синан украл целый мир. И заслуживает... Чего? Кинжала в затылок.

Исмаил оглядывал перспективу хребтов, Переложенных полосами тумана. Тело его окрепло, вернулись прежние сила и ловкость. Иногда болело лицо, отвыкшее от улыбок.

Прежде чем уходить из дома отшельника, новоявленный Анаэль решил добыть хозяину свежего мяса и подстрелил из самодельного лука косулю. Но она не рухнула в травы, а захромала в кустарник. Он ринулся следом.

Косуля уйти далеко не могла, тем не менее Анаэль-Исмаил бежал и бежал по кровавому следу в распадок, на осыпь, в новый распадок и под откос, пока след животного не пропал. После коротких сумерек на хребет пала ночь. Анаэль залег в яму, полную сухих листьев. Утром он обнаружил, что местность вокруг незнакома. Дороги обратно к хижине не нашел.

Рассудив, что это и к лучшему, он пошел меж холмов на запад, нюхая ветерок, донесший запахи дыма.

Дым поднимался от зарослей, обрамлявших светлый ручей. Вдоль у костра здесь сидели люди.

Анаэль подавил желание броситься к ним, а лишь приблизился и залег, наблюдая. На головах этих путников красовались желтые повязки... Анаэль узнал бешеных дервишей-марабутов. Подойди он к ним со своими расспросами... Уже бы валялся в ручье с перерезанным горлом. Впрочем, белая змейка дороги к людям извивалась в холмах впереди.

Анаэль незамеченным обошел костер марабутов, выбрался на дорогу и пошел по ее теплой пыли, не зная куда, но, во всяком случае, удаляясь от гор.

В рощице по пути он выломал суковатую палку-посох, а лук свой бросил в кусты и стал выглядеть дервишем или паломником, как придется. Для начала он хотел узнать, где очутился.

Он был ужасно голоден, пыль набивалась в нос, ныли ноги, подошвы, отвыкшие от многодневной ходьбы. Но настроение было – как снова родился.

Глаза горели в азарте свободы. И он готов был к любой неожиданности.

Глава VI. Первая встреча, или Бо-Сеан

Издали Анаэль увидел черно-белый полосатый флаг. Он уже слышал о нем и даже знал девиз, начертанный на флаге, – «Не нам, не нам, но имени Твоему!» Эти слова назорейские рыцари-храмовники, они же тамплиеры, обращали к матери своего Бога.

Группу всадников возглавляли несколько рыцарей этого ордена. Исмаил остановился. В Передней Азии об этом сообществе рассказывали всякое. Богатый, мрачный, воинственный орден люди себе представляли в виде сказочного чудища, ошетиленного тысячами копий, одетого в гигантский белый плащ с восьмиконечным красным крестом.

Сообразив, с кем ему сейчас придется иметь дело на пустынной пыльной дороге, Исмаил-Анаэль глянул на ближние кусты: надо бы прыгнуть туда и укрыться. Но что-то его заставило оставаться на месте... Может быть, это судьба приближалась?

Впереди ехал рыцарь, показавшийся Анаэлю гигантом даже издали. Древяно знамени он опирал в стремя, белый плащ покрывал круп его широкого, как буйвол, коня. На кольчужной груди блестел серебряный медальон. Следовавшие за ним крестоносцы также были немелкими. Увидев путника, все они разом остановились. Поднятая копытами пыль окутывала скульптурную группу, а заходящее солнце подсвечивало ее так, будто адское пламя здесь проступило сквозь землю.

Из-за поворота дороги являлись новые всадники. И все вместе рассматривали вызывающе стоявшего путника. Анаэль не сознавал, до какой степени нагло он вел себя, с точки зрения тамплиеров. Он был без оружия, палка не в счет... И тамплиеры не сразу решили, что же им, собственно, делать. Он вспомнил, что главное дело рыцарей-храмовников – сопровождать паломников-христиан к святым для них местам. В тылу колонны топталась группа пешеходов. Он подумал, что это – паломники, и обратился к гиганту-рыцарю:

– Благородный рыцарь, ты видишь перед собой страждущую христианскую душу. Я заблудился, не ел и не преклонял головы несколько дней. Не к святой ли реке Иордан направляетесь вы, и если да, то нельзя ли присоединиться к вам?

Воин ответил не сразу, как будто речь путника его озадачила.

– Так ты ищешь Иордан? – спросил он наконец.

– Да.

– А откуда идешь, святой паломник?

– Я иду из Аскалона, – ответил Анаэль, зная, что такой город есть на побережье Греческого моря. Он ответил грамотно, но отчего тогда рыцари вроде бы оживились?

– Ты прибыл в Святую землю один?

– Нет, но отстал от других в дороге.

– А как тебя зовут, святой паломник?

– Анаэль. Меня зовут Анаэль.

Рыцарь отвел правую руку и швырнул волосяной сельджукский аркан. Аркан стянул плечи Анаэля, что вызвало одобрителный гогот рыцарей.

– Добро пожаловать в Святую землю, паломник Анаэль! – весело крикнул тамплиер.

Конец аркана он передал своему оруженосцу и тот переправил пленника в хвост процессии. Слегка оглушенный всем этим, Анаэль молча побрел за едущими шагом всадниками. Его окружала небольшая толпа пешеходов. Перед ним хропали два изможденных и грязных негра в набедренных повязках. Сзади, пошатываясь, как пьяный, брел по-городскому одетый араб. По правую руку Анаэль обнаружил высокого старика в стоптанных чупаках. Лицо его было изъедено оспой. Анаэль попытался с ним говорить, но ни по-арабски, ни лингва-франка, ни курдской речи старик не понял.

Один, правда, вывод Анаэль сделал сразу. Все они – пленники рыцарей. Ну что же, сказал себе бывший ассасин, посмотрим, что будет...

Вскоре всадники свернули с дороги на едва заметную в жухлой траве тропинку. Они торопили пленников. Но солнце село стремительно, и опустилась черная, непроглядная ночь. Впереди замигали огни. Люди спотыкались о кочки, поросшие колючей травой, и натывались на острые камни. Всадники окружили пленных плотным кольцом. Лошади храпели и фыркали. Анаэль мог уйти сквозь движущуюся стену, и без собак его бы не отыскивали в чернильно-черной ночи. Но куда бежать? В мир, осененный черным знаменем аббасидов? Но судьба толкает его к назореем, и он уже сделал к ним первый шаг. Он, как никак, – пленник рыцарей Иерусалимского храма.

Размышления Анаэля были прерваны глухими ударами в запертые ворота.

Проснулся он в полутемном сарае от колокольного звона. Лежал на голой земле, как и другие пленники. Кто-то надсадно кашлял, кто-то храпел... Анаэль лежал тихо. Если узнают, что он не тот, за кого себя выдал на пыльной дороге, ему конец. И что заставило крестоносцев смеяться? Надо сжаться, превратиться в зрение и слух.

Двери сарая распахнулись. В проеме появился верзила в серой хламиде, подпоясанной простым вервием. Назорейский монах. Он что-то крикнул. С ним вошел и надсмотрщик, щелкнув бичом. Пленники потянулись наружу, поскуливая. Вышел и Анаэль, держась в середине.

Во дворе люди медленно разделились на несколько групп. Самая крупная группа – видимо, мусульмане, упав на колени и обратившись к юго-востоку, тотчас же приступила к молитве. Объявивший себя христианским пилигримом, Анаэль едва удержался на ногах. Его как будто качнуло.

Монах направился через площадь к каменному строению с четырехугольной колоколенкой. За ним затрусили пятеро. Анаэль присоединился, соображая, как бы не опростоволоситься.

Жилище христианского бога внутри его было бедно и мрачно. Даже мечети горных дикарей – дейлемитов – выглядели наряднее. Позже Анаэль разобрался. Возвышение, огороженное перилами у алтаря, предназначалось для полноправных тамплиеров. К утренней службе вышли пятнадцать рыцарей.

Вокруг деревянных перил теснились рыцари-кандидаты и оруженосцы, одетые не единообразно, как члены ордена, но тоже внушительно.

Третья группа, допущенных к молитве внутри храма, состояла из донатов и облатов – светских приверженцев ордена. То были в основном состоятельные жители городка Агаддин, возле которого располагалась капелла тамплиеров. Их было мало, заутреню они выставляли в городских церквях.

Христианских пленников в помещение не пустили. Пали они на колени в темном притворчике и лишь прислушивались к молитвословию. В капелле грянули голоса хора. Мусульманскому уху пение казалось невыносимо варварским. Анаэль терпел и крестился, поглядывая на других.

Могло стать, что и за ним наблюдали. Так, во всяком случае, было устроено в замке Синана. Здесь все казались опасными: и служки, и бородачи-монахи с красными крестами, и даже разнокалиберные пленники...

После заутрени колонну пленников вывели из ворот на работу.

Капелла Агаддин располагалась в замке, воздвигнутом во времена Первого крестового похода. Он был одним из самых восточных форпостов Иерусалимского королевства. Вид этого грубого, каменного, вознесшегося над плодородной равниной строения был неприми-

римо воинственный. Но именно так строили во времена Годфруа Буйонского и первых Бодуэнов, давая понять, что претензии латинян на Святую землю серьезны и основательны.

Анаэлю досталась легкая работа. Так, по крайней мере, казалось вначале. Вместе с чернокожим иудеем по имени Шама и двумя краснобородыми персами – Сахиром и Раздаем, он таскал огромные ивовые корзины с ягодами. Услышав имя нового напарника, Шама ожил, но бывший исмаилит оставил его расспросы без внимания, решив, что и так сказал о себе слишком много.

Персы работали молча и обреченно. Через несколько дней Анаэль, нарушив зарок, данный самому себе, спросил у Шамы, с которым тащил корзину, чего эти персы такие замкнутые.

– Ты тоже не разговорчив, – ответил негр и показал, давай, мол, передохнем. Поставили корзину на землю. Шама вытер пот.

– Они давно здесь, их было трое...

– Почему встали?! – заревел невесть откуда взявшийся бербер с плетью. Сервы подхватили корзину и заспешили. Но зря. Анаэль тут же споткнулся и полетел на землю, страшно ударившись коленом о выступившее корневище. Корзина качнулась, выплеснув в пыль несколько мер черных ягод. Анаэль обхватил руками колено, а Шама ползал вокруг, собирая рассыпанное.

– Скорее, Шама, скорее, – подгонял он себя.

Но надсмотрщик уже появился из-за деревьев.

Он не стал спрашивать, кто виноват – разумеется, тот, кто держался за ногу. И наказание было назначено без раздумий.

– Ешь! – сказал бербер, глядя в глаза Анаэля, затянутые дымкой боли.

Тот понял, что спорить не надо. Он протянул руку к рассыпанным ягодам. Шама отполз, схоронился за деревом. Песок заскрипел на зубах, слюна поползла на бороду Анаэля. Вкус оливок был омерзителен. Тошнота подступала к горлу. Надсмотрщик дождался, когда все рассыпанное будет съедено. Бич, как живой, шевелился в его руке. Закончив «трапезу», Анаэль откинулся к стволу.

– Остальное несите... – сказал бербер.

Шама выполз, сочувственно повздыхал и сообщил, между прочим, что Анаэлю, в общем-то, повезло.

– Повезло?

– Перса, за то же самое били так, что его кожа налипла на бич. И заporоли. Назореи не зря тут держат берберов.

Анаэля внезапно вырвало.

Почти всю ночь, несмотря на страшное утомление, он не спал. Будущее пугало. К концу сезона на этой плантации он может превратиться в раба. Ушибленное колено раздула опухоль. Увидевший его ногу, Шама озабоченно зацокал языком, а оглянувшись, шепнул Анаэлю:

– Когда все поднимутся к выходу, задержись.

Подчиняясь командам, сервы, хрипя и кашляя, поодиночке двинулись из сарая. Шама достал из складок своей невообразимо грязной набедренной повязки крохотную серебряную коробочку, открыл ее сломанным ногтем, запахло смолой. Он выгреб пальцем мазок желтоватой мази, нанес Анаэлю на колено и втер.

– Этот бальзам еще моему деду... – сказал он тихо, но не закончил фразу.

Снаружи рывкнул бербер. Закусив губу и опершись на руку Шамы, Анаэль заковылял из сарая.

Бальзам оказал свое действие и, несмотря на боль, Анаэль работал до вечера. Больных, сказал иудей, уволакивали, убивали и отправляли трупы на корм собакам.

Ночью во тьме Шама повторил процедуру и опухоль стала спадать.

За несколько следующих дней Анаэль уяснил себе, что к чему в этой крепости и что, доведись ему выбраться из сарая, он сумеет вести себя правильно, по-назарейски.

На плантации он обратил внимание на непонятного человека, работавшего наравне с другими, но не раба. У него были русые волосы до плеч, кожаные сапоги, а за поясом – невероятно! – богатый кинжал. Он таскал корзины, ел на земле, но не обращал внимания на берберов, будто их не было.

– Кто это?

– Рыцарь, – объяснил Шама. – Он – тамплиер и вроде барон.

– Кто же его заставил...

– Он утратил свой плащ и каждое утро смиренно просит прощение у всей братии. Пока не простят, должен работать с рабами.

И вот в обеденный час на плантации Анаэль незаметно вылил похлебку на землю и поспешил к ручью за старшим надсмотрщиком, якобы чтобы ополоснуть свою чашку. Бербер пил воду. Анаэль зачерпнул из ручья себе и тихо сказал:

– Да продлит твой Бог дни твои, господин.

Звероподобный мусульманин был явно неглуп и, хотя раб с пятнистым лицом нарушил порядок, к нему обратившись, позволил ему сказать.

– Твоя похлебка сытнее моей, – вымолвил Анаэль, и это была чистейшая правда, – но жизнь твоя сходна с нашей, что совершенно несправедливо. – И против этого спорить не стоило. Ведь и берберы здесь были рабами.

– Говори, – нетерпеливо произнес надсмотрщик.

Анаэль оглянулся.

– Что бы ты сказал о серебряной вещице, которая стоит не меньше двух византийских бизантов?

Теперь оглянулся бербер.

– Что ты хочешь за это?

– У рыцаря, который ест с нами, заболел напарник. Сделай так, чтобы я его заменил.

– Где твое серебро?

– Сейчас не у меня.

– У кого?

– Обещай, господин, что сделаешь то, о чем я прошу.

Бербер посмотрел на урода с молодым голосом.

– Я возьму бич, и ты все расскажешь.

– Ты – великий надсмотрщик, но, если ты станешь меня бить, я стану громко кричать, и все узнают, у кого серебро.

– Хорошо, обещаю.

– Нет, господин, сначала переведи меня, а потом я скажу тебе, у кого серебро. Если будет иначе, те, что в сарае, поймут в чем дело и ночью меня задушат.

Помолчав, бербер встал и, молча, вернулся к работникам, заканчивавшим свою жалкую трапезу. Бич полоснул по воздуху, что означало – пора работать. Все бросились к ручью, спеша напиться.

Глава VII. Слуга

Барон де Кренье не обратил внимания на существо с изувеченной физиономией, обосновавшееся рядом с ним. Предыдущего напарника он изувечил, когда тот заспорил с ним о пустяке. Если что, то и этот схлопочет. Барон де Кренье был весьма родовит. Он любил при случае, да и без оно, упомянуть, что доводится потомком Карлу Мартеллу. При этом был на удивление беден. Прибыл он в Святую землю отчасти по велению христианского сердца, но в основном желая поправить свои материальные обстоятельства. Был, как многие, наслышан о сокровищах тамплиерских замков и не без приключений вступил во влиятельный и загадочный орден. На новом поприще он не отказался от старых своих лангедокских привычек. Пил он по поговорке, «как тамплиер», сочинял неудобоваримые канцоны и сирвенты, подражая английскому королю Ричарду I, и сожалел, что близ Агаддина нет, в отличие от Лангедока, безотказных ласковых поселянок.

Ликом был барон красен, нес на челе отметки нескольких турнирных столкновений, воспоминания о коих не радовали. В левой голени он имел след сарацинской стрелы. Свой белый плащ с красным крестом, символ достоинства тамплиера, барон утратил в сомнительном предприятии. Комтур Агаддина в послании к прецептору Иерусалимской области эту историю трактовал как столкновение с кровожадными мерхасами Саладина. Но можно было ее, при желании, оценить и не так.

После нескольких дней на плантации барон перешел на конюшню. Необходимость этого перехода он объяснил своим пристрастием к лошадям. В общем, не унывал. Братья могли обойтись с ним суровее. Из ордена не изгнали, что было бы худшим. Ухаживать за лошадьми было менее обременительно, чем под палящим солнцем вкалывать на оливковой плантации.

Да и Анаэль из всех сил старался сделать так, чтобы господин барон не имел нужды ни к чему прикасаться. Де Кренье сие оценил.

На третий или четвертый день барон обратился к напарнику:

– Эй, как тебя?

– Анаэль, господин.

– Бесовское имя. Веруешь ли ты в Господа нашего Иисуса Христа?

– Да, господин, – пробормотал тот, крестясь.

– Ну, тогда – на.

И рыцарь бросил ему кость с остатками мяса. Еда полагалась барону от стола, которым пользовались все прочие братья.

В глазах Анаэля мелькнул огонь, и он кинулся лобызать благородную руку.

Пожирая заработанное мясо, Анаэль прислушивался к крикам, доносившимся от сарая. Это секли Шаму, не захотевшего добровольно отдать свой сосуд с целебным бальзамом. Анаэль обсасывал кость и думал, что правильно сделал, три предыдущие ночи подползая к Шаме, чтобы тот растер ему ногу, и договорясь приползти еще раз. Теперь чернокожий не заподозрит предательство. А это мясо – как знак судьбы. Теперь Анаэль уже не на самой низшей ступени жизненной лестницы. На ней остался визжащий от боли негр-иудей.

Барон привязался к напарнику. Тот не только работал за двоих на конюшне, но и выполнял поручения всякого рода. Например, бегал к келарю капеллы за вином. Притом сколь угодно долго и с неизменным вниманием восторженно слушал рассказы барона о его воинских подвигах в землях франков и в Святой земле. Толпы изрубленных сарацинов, десятки посаженных на копье и задушенных ассасинов... Сам Саладин еле ноги унес от меча де Кренье...

Все это было, было. Парень с лицом-мозаикой бесконечно внимал одной и той же истории, не замечая, что каждый раз растет число загубленных рыцарем нечестивых врагов.

Барон не только подкармливал Анаэля, но и надсмотрщикам дал понять, что этот раб под его защитой. Берберы не стали его замечать, но иногда демонстрировали презрение. Другие рабы опасливо сторонились. Но Анаэля это не трогало. Он собирался выйти из рабского состояния и окольным путем шел к свободе.

Он, например, обнаружил, что барон де Кренье из всех лошадей выделяет трех, особо ухаживая за ними. И тоже стал их лелеять и холить. Барон был доволен и прямо спросил:

– Как ты догадался, урод, что это мои лошадки?

Потупившись, Анаэль заявил:

– Я рад угодить моему господину.

Оглаживая холку мощного вороного жеребца, де Кренье пояснил, снизойдя к рабу, что каждому тамплиеру по орденскому уставу положено иметь трех лошадей. Помимо того полагаются персональный шатер и оруженосец. Он был тем более болтлив, что вино бросилось крестоносному воину в голову.

– А где ваш оруженосец? – осторожно поинтересовался Анаэль.

Барон тяжело вздохнул.

– Извините, господин, если я причинил вам страдание, – пригорюнился Анаэль.

Рыцарь тряхнул головой.

– Он – негодяй, он предал меня.

– Предатель! – с чувством произнес бывший ассасин, энергично растирая круп коня щеткой.

– Да, именно! – бурно согласился барон. – Разве не в том добродетель оруженосца, чтобы повсюду следовать за хозяином?

– Именно, именно...

– И в гущу битвы и во мрак изгнаний! Разве не в том доблесть оруженосца, чтобы превыше всею ставить веру в своего господина, и разве не в том его честь, чтобы до последнего отстаивать честь господина?!

– Это низкий, убогий, несчастный человек, – заявил Анаэль.

Рыцарь опустил взгляд и трезво в упор посмотрел на него. Анаэль съежился, поник и сказал:

– Возьмите меня к себе каким-нибудь самым последним слугой. Мне не надо хорошей одежды, оружия и коня. Я хочу одного – верно служить такому великому воину.

Барон тяжело засопел.

– Я верю тебе, но ты дурак. Ты не можешь стать моим оруженосцем, даже если бы я захотел. Даже если бы я сейчас не был в опале, и даже, клянусь слезами девы Марии, если бы я стал комтуром здешней капеллы.

Анаэль спросил:

– А кто может противиться вашему высокородному желанию, господин?

– Устав ордена тамплиеров. Непревзойденный Бернард Клервосский его сочинил. Понятно?

– А что такое устав?

Барон хмыкнул.

– Ты предан мне, но ты глуп. Устав... Это все. В нем записано все, что можно, чего нельзя, обязанности и братии, и службы. Полноправным тамплиером может быть только человек самой благородной крови и от законного брака. Здоровый... – Барон поднял руку и сжал могучий кулак. – Не состоящий в браке. И там записано, кто капелланы, кто служки, кто донаты и облаты...

– А оруженосцы? – с надеждой спросил Анаэль.

– Оруженосцы Великого магистра, сенешаля, прецептора-казначея, комтуров и полных рыцарей ордена суть отпрыски благородных родов... Могут быть и бастарды, но – знаменитых особ. А ты... раб.

– Я законнорожденный!..

– Кто твой отец, кто твоя мать?

Анаэль опустил голову.

– Я их не знаю. Но знаю точно, что я – свободный человек.

Барон отмахнулся:

– Сейчас ты раб ордена.

– Может, меня можно выкупить?

Де Кренье задумался.

– Не слыхал о таком. Но за тебя потребуют от четырех до пяти бизантов.

– Я страшен, как смертный грех, может быть, хватит и двух бизантов?

Барон поморщился:

– У меня их нет.

Анаэль вовсе скис. Но тут барон вдруг произнес:

– Ты тварь и навоз под копытами рыцарского коня, однако хитрец попытался бы выставить себя в лучшем виде, назваться хоть худородным, но дворянином, – барон пожевал сочными губами. – По правде сказать, с тебя довольно того, что ты работаешь на конюшне в прохладе и сытости вместе со мной, вместо того чтобы жариться на солнце и общаться с плетью берберов. Но я попробую что-то сделать.

Анаэль робко поднял глаза.

– Только не вздумай надеяться. Сильно стараться не стану.

– Я понимаю, господин.

– Недели через две братья простят меня и вернут мне плащ, похищенный этими мусульманскими псами. Тогда и я замолвлю, может быть, за тебя... Пару слов. Но пока...

– А пока?

– Сбегай-ка к келарю, и я расскажу тебе о битве с сарацинами при Алеппо.

Анаэль сел на подстилке, не понимая, что происходит. Склонившийся над ним, неразличимый во тьме человек прошептал:

– Вставай и иди за мной.

В протухшем сарае бывший ассасин утратил способность спать чутко. Намаявшись в конюшне, он проваливался в сон, как в могилу.

Цепляясь за чьи-то ноги, отдавливая чьи-то руки, Анаэль выбрался наружу. В мире царил луна. Пыль во дворе серебрилась. Оглядевшись, раб обнаружил монаха-прислужника, вышедшего из тени. Он поманил за собой Анаэля, шаги его были беззвучны. За ним поднимались облачка пыли. Анаэль двинулся следом. Они миновали конюшню, кухни и обогнули капеллу. Сердце раба бешено колотилось.

Провожатый остановился у здания, назначение которого Анаэлю не было известно. В большой сводчатой двери отворилось квадратное окошко, громыхнул тяжелый засов, приотворилась массивная створка. Повинуясь жесту провожатого, раб шагнул внутрь.

Короткое путешествие по темному коридору.

Помещение было погружено в полумрак, в двух углах чадили светильники. Между ними, на дальней стене, белело большое полотнище. Посреди комнаты на столе горела в подсвечнике тонкая свеча. За столом, наклонясь, сидел человек в темной одежде. Он не писал, не читал, но явно был занят каким-то делом. Ему не следовало мешать.

Человек поднял голову, и Анаэль узнал его. Этот человек иногда бывал на заутрене в церкви, стоя в самом первом ряду рыцарей. Ему лет шестьдесят.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Голос его был хриплым и неприятным. Да и вопрос не понравился Анаэлю. Он назвал себя – «Анаэль».

– Это не христианское имя.

– Я не знаю, кто мне его дал.

– Как звали твоего отца?

– Я не знаю ни своего отца, ни своей матери.

– Подойди ближе...

– Что с твоим лицом?

– Был пожар, покрывало, в которое я был закутан... – Анаэль не закончил фразу.

– Ты так уродлив, что я не могу определить, к какому племени могли принадлежать твои родители.

– Перед Богом все народы равны, нет ни эллина, ни иудея, говорит апостол Павел, – произнес недавно в сарае старик из Кесарии, плененный почему-то крестоносцами.

Этот текст сам собой выскочил из Анаэля.

– Мне рассказали, что ты направлялся к святой реке Иордан, когда натолкнулся на барона де Руа.

– Да, господин, я сообщил о цели своего путешествия благородному рыцарю, но он набросил аркан и поволок меня, как барана.

Щека сидящего дернулась.

Тебя это удивляет?

– Еще бы, ведь рыцари Святого Иерусалимского храма поклялись, что будут содействовать паломникам в посещении святых мест этой благословенной страны.

Тамплиер убрал нагар с фитиля.

– Ты говоришь верно, но то, что ты сказал, относится лишь к паломникам, что идут к Иордану и Иерусалиму с запада. Ты шел с востока.

Кровь бросилась в голову Анаэля, он покачнулся от неожиданности.

– При этом дикое имя... Оно ведь и не сарацинское. Может быть, иудейское?

Раб молчал.

– Знаешь, почему барон де Руа тебя сразу не убил?

– Почему, господин? – окаменевшими губами прошептал Анаэль.

– Он решил, что ты сумасшедший. Ведь только ненормальный мог с одной суковатой палкой в руках стать на дороге дюжины рыцарей. И я было согласился с бароном. Но с некоторых пор есть основание заподозрить, что ты нормален.

Анаэль исподлобья взглянул на сидящего за столом, не зная, чего ему, собственно, ждать от этого разговора.

– Судя по тому, как ты втерся в доверие господина де Кренье, тебя не стоит считать безумцем. Что же ты молчишь? Говори, и не бойся: если бы я решил, что ты похож на лазутчика, давно бы отдал тебя в пыточную. Ты не сумасшедший и не лазутчик, кто ты такой?

– Я христианин.

Щека тамплиера вновь дернулась.

– Я понял, ты хочешь, чтобы тебя таковым считали.

Анаэль немного опомнился. Когда-то, будучи ассасином, он пересек долину Сернай на оконечности асфальтового озера.

– ... Там в ущелье маленькая община, ее мало кто знает. Меня воспитывали...

Тамплиер поднял руку, показывая, что ему достаточно. Он что-то слышал об этом поселении, но, конечно, никогда там не бывал, и в Агаддине нет ни одного человека, там бывавшего. Стало быть, этот хитрец может плести, что угодно.

– Изувеченный человек с небывалым именем, выдающий себя за христианина, является из сарацинских земель, заявляет, что паломничает к Иордану. И не чувствует дикости своего поведения, нелепости своих рассказов. И вот за него ходатайствует полноправный член ордена... – сидящий за столом словно размышлял вслух.

Сын красильщика, бывший ассасин, бывший мертвец Исмаил-Анаэль рухнул на колени, уронил голову на грудь и пробормотал:

– Я хочу служить ордену.

Сидевший встал, опираясь руками о стол, и сказал:

– Можешь считать, что ты принят на службу.

Глава VIII. Возвышение

Анаэлю дали коня и кинжал. За ворота он выехал с тремя рыцарями, одетыми в черные плащи с белой каймой и зелеными крестами. Четвертый рыцарь был тамплиер. Анаэля к нему приставили оруженосцем.

Рыцари с зелеными крестами переговаривались на языке, напоминавшем старинный французский. Отдельные слова Анаэль различал, но смысл их быстрой речи от него ускользал.

Миновав рощи смоковниц и финиковых пальм близ Агаддина, пятеро всадников выбрались на равнину с редкими кустарником. Анаэль не знал имени своего рыцаря, а тамплиер не вступал в разговоры со спутниками. Они к нему, впрочем, не обращались.

Выехали на рассвете, двигались неторопливо. Когда солнце пошло к зениту, свернули в попутную рощу смоковниц и спешили в их тени. Не дожидаясь команды, Анаэль достал из седельных сумок овес и дал лошадям. Сам уселся с лепешкой поодаль. Тамплиер ел отдельно от всех, притом сидя спиной к остальным и не снимая шлема. Он лишь поднял забрало. А солнце пекло... Он не желал быть узанным?.. Анаэль почувствовал привкус.

Ближе к вечеру всадники, двигаясь тем же темпом, пересекли гряду невысоких холмов и по избитой дороге спустились в пойму довольно широкой реки.

Один из рыцарей съехал к воде и крикнул перевозчика. На той стороне полуголые люди столкнули в речку тяжелый плот. Анаэль, нарушив зарок молчания, спросил своего тамплиера:

– Какая это река, господин мой?

Из-под забрала донеслось:

– Иордан.

Ночевали на том берегу, в деревеньке, в харчевне, сложенной из камней. Анаэлю не полагалось спать рядом с рыцарями, и он устроился в отдалении.

Небо усыпали яркие звезды. Анаэль издавна знал их рисунок на этой великой карте. Вот Антияр, звезда караванщиков, вот и Ахуб, звезда смерти... Анаэль ощутил вкус свободы. Лошади не были заперты. Если плащ разорвать, обмотать шерстяными тряпками копыта лучшего жеребца, можно бесшумно отсюда уехать и – ищи ветра в поле. Однако зачем... Анаэль усмехнулся и задремал.

Следующим утром всадникам встретились на дороге никем не охраняемые путники. Они и не подумали броситься наутек от рыцарей. Но кавалькада объехала путников, не потревожив.

Анаэль удивился и снова не утерпел. Как бы сам с собой рассуждая, он произнес:

– Шествуют как ни в чем не бывало, хотя тут за каждым камнем сидит разбойник.

– Защищены не хуже меня, – сказал вдруг ехавший рядом тамплиер.

Голос его был глух.

Дорога пошла под уклон. Анаэль догадался, где они находятся. Он представил долину реки Иордан. Впереди – побережье Мертвого моря. Пейзаж стал безжизненным.

Дорога петляла по каменистой пустыне. Вдали наконец показалась широкая крепость, похожая на обнесенную оградой большую деревню с каменными строениями.

Когда подъехали ближе, оттуда донеслись редкие монотонные удары колокола.

Рыцари остановились у ворот.

Анаэль задрал голову и откинулся в седле, разглядывая верхушку шеста, торчавшего у ворот. Там красовался огромный, оскаленный верблюжий череп. Анаэль обернулся к своему господину, спросить, что это значит, но чуть не рухнул с коня. Рыцарь снял шлем. На

Анаэль смотрела львиная маска. Верхнюю губу изъели огромные язвы, нижняя отвисла, как виноградная гроздь... Проказа!

– Спать будешь здесь, – брат Иоанн отбросил дверь, висевшую на кожаных петлях, и показал сводчатую пещеру с потолком, ниже человеческого роста. В углу ее было грубое распятие. Постель представляла собой уступ ноздреватого камня, прикрытый рогожей, и деревянный обрубок в изголовье. Была тут и деревянная чашка с обглоданными краями.

Войдя, Анаэль рухнул на каменное ложе. Дверь, мягко стукнув, закрылась.

Он уже знал, что находится в лепрозории ордена Святого Лазаря. Его учредили для прокаженных рыцари-итальянцы. И этот орден – под покровительством тамплиеров. На их попечении.

Брат Иоанн, помощник здешнего келаря, был чрезвычайно словоохотлив. Анаэль первым делом спросил, надолго ли присылают в сию обитель своих людей тамплиеры.

– Навсегда, – бодро ответил помощник келаря.

Далее он заявил, что завидует Анаэлю, который будет прислуживать лишь прибывшему с ним шевалье де Шастеле. Это, дескать, добропорядочный господин. Питаться Анаэль будет из котла монастырской братии, а если придется, то со своим господином. Такое в обители принято, когда господа уже сами не могут ни встать, ни сесть.

Это примечание так развеселило брата Иоанна, что он залился почти ребяческим смехом.

– Когда господин де Шастеле умрет – об этом не стоит пока беспокоиться, ведь лепра жрет человека медленно, – сказал затем брат Иоанн, – то ты, пожалуй, не сразу лишишься своих привилегий. Многие из болезнующих рыцарей захотят тебя видеть своим слугой, помня, кому ты прислуживал. Так что до старости будешь иметь и господский стол, и благородное обхождение. Правда, не дай Господь самому заболеть. Тебе слуга не положен, придется тебе самому о себе заботиться. А это... Иной раз ведь и пальцы отваливаются... Но думать об этом – грех. Господь не без милости. Ты посмотри на меня, кроме чесотки, пока ничем не болел.

Анаэль, потрясенный, молчал.

– Вот так-то, брат Анаэль. Что за имя у тебя? Мы не знаем таких. У нас тут все рыцари – ну, почти все – из итальянских земель с благословения папы Климента. По-франкски не говорим. Но обвыкнешься.

Анаэль, казалось, намертво сросся с каменным ложем.

– Да не горюй. Всем бы так начинать. А коли не угодишь господину де Шастеле и отошлет он тебя от капеллы в нижние пещеры, тогда поймешь, что да как.

Дослушав бодрую речь брата Иоанна, Анаэль утвердился в мысли, что надо бежать. И – как можно скорее.

Господин де Шастеле – перестал стесняться здесь своей внешности. Притом не желал оставаться вне общества и со страстью включился в светскую жизнь. Скоро нашлись в лепрозории господа, отвечавшие его представлениям о благородстве и родовитости.

Господа засиживались за чашей вина и каплуном. Всем было что вспомнить и что рассказать. Анаэль обязан был, как и прочие слуги, при сем присутствовать у стола, за которым порой красовалось и хохотало до полутора десятков рож львиного облика, вышедших, как казалось, из самого центра ада.

Среди прислуги, напротив, единства не было. Все боялись заразы. Трое уже заразились и сразу же ощутили свое превосходство над остальными. Зная, что им не выйти, сделались добровольными соглядатаями, полагая себя патриотами лепры.

Анаэль не меньше других страшился проказы и выверял каждый шаг. Но де Шатель по утрам совершал самый тщательный туалет, вечером приходилось подолгу его устраивать на покой, соприкасаясь с его благородной плотью. Нельзя было показать брезгливость.

Анаэль припомнил рецепты от проказы, полученные в замке Алейк. Он жег кости животных и сыпал пепел в свою еду и питье. Имелись еще заклинания, давал защиту и конский волос, обмотанный вокруг головы. Проказу отгонял и камень сапфир, и хвост сушеной ящерицы. Обмазывался бы и коровьим навозом, что считалось самым полезным, но в лепрозории это было немыслимо.

Тем не менее Анаэль не чувствовал себя в безопасности. Однажды рискнул обмазаться все же навозом, прокравшись ночью к скотине монастыря. После пришлось отмываться соленой водой из лужи. Запах полностью не отбил, что несколько дней вызывало неудовольствие господина де Шастеле.

Анаэль терпеливо и жадно ждал случая убежать, и случай такой представился. Однажды утром, когда он с господином своим возвращался из церкви, Анаэль обратил внимание на необычную суматоху в монастыре.

– Уж не чума ли напала? – мрачно пошутил он. Его шутка рыцарю не понравилась.

– Это не чума, – степенно сказал тамплиер, – это граф Мессинский, Великий магистр ордена Святого Лазаря.

Въезд Великого магистра в монастырь был обставлен возможной пышностью. У входа графа Мессинского встретили две шеренги оруженосцев, у каждого был охотничий рог, изображенный на эмблеме ордена. Начальник лепрозории, он же настоятель монастыря и комтур всего поселения, барон Альтамира, вышел навстречу кавалькаде, подал знак, и оруженосцы затрубили в свои рога. На бароне были высокая тиара и длинный черный плащ, в правой руке он нес жезл с загнутым концом в виде раздутого капюшона кобры, в левой – икону, изображавшую воскресение святого Лазаря. Наиболее родовитые рыцари следовали за ним. Господин де Шастеле был на одном из главнейших мест в этой процессии.

Рога продолжали трубить.

Собравшиеся вокруг зеваки и челядь выражали бурную радость.

Великий магистр, не откидывая белого покрывала со своего лица, остановил коня перед иконой, несомой настоятелем, и перекрестился на церковь.

Стихшие было рога взвыли снова. Толпа у ворот волновалась, слышались выкрики, кто-то забился в истерике. Барон Альтамира стоял перед конем магистра неподвижно. Кони магистрской свиты нервно переступали на месте. Росло непонятное напряжение.

Наконец, свершилось! Великий магистр взял края своего покрывала и решительным, властным движением убрал его с лица. Вопль восторга пронесся по площади. Произошло ритуальное узнавание. На коне сидел крупный мужчина, изуродованный пятнистой проказой.

Потрясая жезлом, барон Альтамира приблизился к графу и поцеловал стремя. Великий магистр принял икону и припал к ней со страстью.

Как графа Мессинского снимают с лошади, как он целуется с настоятелем, Анаэль не увидел. Он спиной продавил толпу и понесся на задний двор монастыря, где были кухни, господская конюшня, грязевые купальни. Он дознался, что из лепрозории есть несколько выходов кроме главного. Днем с лицевой, так сказать, стороны уйти невозможно. Равнину обзревают стражники, и на ней ни кустика, ни ложбинки. На ночь слуг запирает в кельях брат Иоанн. Оставалось попробовать выйти наружу через тылы. Лучше всего, по разумению Анаэля, по тропе водоносов. В монастыре был источник, но воды из него не хватало, и ее доставляли из колодца, расположенного в трех сотнях шагов от монастырской стены.

Воды требовалось много, ее таскали в резервуары монастыря целый день с перерывом на те часы, когда жара становилась непереносимой. Воду носить посылали в наказание.

Когда Анаэль зашел на конюшню, снял с крюка пару кожаных ведер и направился к калитке, никто ничего у него не спросил. Мало ли что...

Анаэль таскал воду около часа. Кроме него по мокрой тропинке бежали многие. Приехавшие господа захотят целебную ванну со здешней грязью. Господин де Шастеле не хватится. Он облачен в парадное платье и после торжественной встречи Великого магистра пойдет к накрытому праздничному столу. А встанет из-за стола уже за полночь и, даже если сумеет обнаружить отсутствие слуги, решит, что его заперли на ночь в келье.

В это время года в Святой земле темнеет поздно. Анаэль вымотался на добровольной каторге, работать для виду было нельзя. Когда солнце пошло к горизонту, подернутому жарким маревом, Анаэль осторожно поставил ведра, наполненные солоноватой водицей, посмотрел вслед последнему носильщику, который трусил к лепрозорию.

И встал за каменное сооружение, возведенное над колодцем. Все шло, как он задумал. Как только тьма сгустилась, Анаэль быстрым шагом пошел от монастыря.

Заблудиться было невозможно. В честь приезда Великого магистра, позади лепрозорий светился огнями, горели костры, там жарилось угощение. Жгли на высоких шестах чучела проказы. Звонил непрерывно колокол.

К утру Анаэль рассчитывал быть уже далеко. Он шагал все быстрее. Тамплиерская дорога стала тяжелой.

Анаэль углублялся в ночь, думая о своей судьбе. Почти полгода назад он шагнул с башни замка Алейк, а падение вроде бы продолжается. Яма становится глубже.

Под ногами захлюпало. Это не испугало. Кругом соленые затхлые лужи... Гиблые это места. Думая о своем, Анаэль огибал в темноте неожиданное препятствие. Но воды стало больше, и лужа не кончалась. Он решил перейти ее и, ступая по скользкому дну, двинулся поперек. Вода, однако, дошла до пояса. Анаэль затревожился, повернул обратно. Но продолжал оступаться в тяжелую теплую воду. Брода не было.

К утру, наглотавшись соленой гадости, сбив в кровь ноги и совершенно отчаявшись, понял: здесь берег Мертвого моря. А лепрозорий – на полуострове. Голая равнина, обозреваемая с его стен, это – морская гладь. Она не волнуется на ветру. И стража не охраняет выходы к ней.

Анаэля нашли на куче щебенки. Он показался безумным, раскинул руки и бормотал. Языка, на котором он говорил, стражники-сицилийцы не понимали. Они его подняли и не били, а повели обратно... Стражники Анаэлю представились тенями, изверженными из ядовитой воды.

Сицилийцы вели его, рассуждая о том, что всякий бы рад убежать из вонючей дыры, но ведь не велено. И – куда? А зараза, небось, к ним самим не пристанет.

– Иди, иди, – они слабо тыкали тупыми концами копий в шатающуюся спину. – Иди...

Анаэль был готов к наказанию в виде плетей. Свирепых, берберских. Но в келью к нему явился брат Иоанн. Он был, как всегда, разговорчив и благодушен. Сказал, что на беглеца осерчал господин де Шастеле. Не желает, мол, видеть и заступиться не хочет.

– У нас бывает по-всякому. Высечь велит, а после простит Христа ради. Твой больно уж горд. А я скажу – зря. Где сейчас толкового слугу-то разыщешь?

– Так что, – Анаэль с трудом разлепил воспаленные губы, – часто бегают?

– Бывает по глупости. Вот и ты от хорошего стола, от видного господина – в бега. Зачем?

– Повесят меня?

– Не-ет, – убежденно сказал брат Иоанн, наливая Анаэлю из принесенного кувшина новую чашку воды. – Это было бы слишком легко для тебя. По их мнению.

– Значит, четвертование?

Брат Иоанн помотал головой.

– Такого у нас тут нет, чтобы конями рвать. И помер мастер, умевший кожу сдирать. Тебя в нижние пещеры отправят, – сказал он. – Молись деве Марии, заступнице нашей. Денно и ночью молись, ибо...

– Что ибо?

Брат Иоанн тут утратил всю свою бодрость и выговорил, вздохнув:

– Я бы просил, чтобы меня повесили.

Глава IX. Его величество...

– В чем дело, Форэ? – в голосе короля Бодуэна IV слышалась крайняя степень неудовольствия.

Кто-кто, а доверенный камердинер должен бы знать, что воспрещается беспокоить короля во время его бесед с великим провизором ордена Святого Иоанна, господином д'Амьеном.

– Я полагал, ваше величество, что вам надо знать – во дворец прибыл граф де Торрож.

В глазах камердинера блеснули злые искорки. Он не любил и не уважал своего короля. И ему было приятно увидеть, как побледнело дряблое, оплывшее лицо его величества.

Сухопарый, похожий на грача граф д'Амьен помрачнел.

– Откуда он взялся?! – капризно воскликнул король. – И что вообще происходит? Один шпион докладывает, что де Торрож валяется при смерти, другой – что он выехал в Аккру, а он в это время разгуливает по моему дворцу!

Форэ поклонился еще раз. Королевского гнева он не боялся.

Великий провизор ионнитов положил успокаивающую руку на трясущуюся кисть его величества.

– Как бы ни было, он уже здесь, и мне кажется, лучше б ему не видеть меня в вашей спальне.

– Да, граф, да, – закивал король, щеки его тряслись, губы дергались.

Д'Амьен встал и направился к потайному выходу.

– Прошу меня простить, – тихо сказал Форэ, – но, мне кажется, вы не успеете уйти незаметно, господин граф.

Створки дверей разошлись, и без стука вошел Великий магистр ордена тамплиеров в белом плаще до пят, надетом поверх кольчужных доспехов. На сгибе руки граф де Торрож нес свой богатый шлем византийской работы. Закованная в сталь движущаяся башня резко контрастировала с обстановкой будуара его величества Бодуэна IV. В том, что граф де Торрож вторгся в это собрание тонкой роскоши в боевом облачении, был, несомненно, вызов, и тамплиер его не скрывал.

– А-а! И вы здесь, граф! – прогудел де Торрож. – Это даже лучше, иначе за вами пришлось бы посылать.

Старик потер пальцами правой руки свое левое запястье, что было признаком ярости.

Между тем де Торрож уселся против короля на место, иоаннита, а тот остался стоять. Кресло под тамплиером опасно закрипело.

– Как поживаете, Ваше величество?

Король поскреб свою щеку и неуверенно спросил:

– Я слышал, вы собирались в Аккру?

– Возможно, отправлюсь... Если решится одно дело.

– Что именно?

– Утром ко мне прискакал комтур нашей крепости в Асфанере, барон де Спле.

– Достойный дворянин. Я знал его еще...

– Не это важно, ваше величество... – грубо перебил Великий магистр.

– А что? Излагайте.

– А то, что наша капелла в Асфанере находится на землях, соседствующих с владениями Конрада Монферратского.

– На спорных землях, граф, – вмешался граф д'Амьен.

Тамплиер на него покосился и произнес:

– Спорность их спорна. Но этот господин пытается ныне присвоить земли, принадлежащие только и исключительно рыцарям Храма Соломонова.

– В чем это выражается? – участливо спросил король.

– Здание караван-сарая у стен Асфанера Конрад Монферратский отдал иоаннитам.

– Да, – спокойно сказал д'Амьен. – Заброшенное здание будет превращено в госпиталь. И вы, и мы равно стремимся успеть в служении Господу. Паломники болеют и гибнут сотнями в климате этой страны, пусть хоть под покровом красного плаща с белым крестом они обретут отдохновение и помощь.

– Красного плаща?! – взревел де Торрож, ударяя огромным кулаком по железному колену.

– Да. И ваш благородный де Спле давно уже мог бы применить благие старания к сему караван-сарая, но он, прости меня Господи, предпочитает сему винопитие и кое-что похуже. И вам, граф, это известно.

Великий магистр начал приподниматься в кресле, лицо его сделалось страшно.

– Я не хотел вас обидеть, – быстро сказал д'Амьен, – как и весь орден Храма Соломонова, но согласитесь, смешно скрывать то, о чем болтают даже верблюды в пустыне.

Рука де Торрожа лежала на рукояти меча. Граф был известен вспыльчивым нравом. Великий провизор увещевал:

– Не сердитесь, брат мой, не сердитесь. В сущности, мы заодно. Пятно на плаще тамплиера жжет сердце иоаннита, как и неблагоприятный поступок любого госпитальера печалит сердца воинов Храма...

Граф де Торрож сумел овладеть собой настолько, чтобы сообразить, что д'Амьен нарочно его злит, чтобы поставить в глупое положение.

– Я понимаю, отчего этот несчастный караван-сарай вдруг всех стал заботить, и как это связано с маркизом Монферратским, – сказал король.

– Я все объясню вашему величеству, – ровно сказал Великий магистр. – Но лучше с глазу на глаз. Не стоит задерживать графа. Кажется, он спешит.

Великий провизор поклонился и вышел, не глядя на тамплиера.

Когда утихли его шаги, граф де Торрож резко сказал:

– Сколько раз повторять, чтобы не подписывали бумаг, связанных с переделом земель, не обсудив их со мной или братом Гийомом!

Король сдвинул брови.

– Но почему такой тон... – король закашлялся.

– Эту грамоту вам подсунул д'Амьен?

– Он сказал, что в ней ничего серьезного. Ваши сборщики податей там останутся.

– Еще бы! – хлопнул в ладоши Великий магистр. – Право собирать подати на своих землях нам даровал римский капитул. И пока Асфанер был спорной землей, вопросы о податях не возникали. Но вот Конрад Монферратский получает от короля сей кусок во владение... И завтра поинтересуется, куда уходят с этой земли все доходы. Это – очередная интрига иоаннитов. Д'Амьен обретает союзника, тамплиеры – еще одного сильного врага. А что король?..

Де Торрож с новым вниманием взгляделся в лицо сидевшего перед ним оплывшего старика. Тот произнес:

– Не понимаю, о чем вы толкуете, граф?

– Все вы понимаете, ваше величество, – грозно вымолвил де Торрож. – И опираясь на Госпиталь против Храма, поберегитесь. Идете по лезвию.

Бодуэн хватал воздух, как рыба на суше, а тамплиер бил наотмашь:

– Ваши дочери выйдут замуж, и ваша внезапная смерть не осиротит престол, как было бы несколько лет назад. А д'Амьен, узнав от меня ваши тайны, отпрыгнет от вас, как от чумного.

Граф де Торрож встал, оглаживая свою могучую бороду. Король вжался в кресло.

Великий магистр спустился во внутренний двор, и двое дюжих оруженосцев с третьей попытки его вознесли на коня. Они обливались потом, а граф их ругал, покуда не оказался в седле. Он запыхался, и ныла печень. Лучше было бы в экипаже. Но не сегодня. Великий магистр был символом мощи ордена, и не годилось символу ездить в рыдване.

Белокурый красавчик-паж развернул Бо-Сеан, рыцари свиты неспешно разобрались на пары. Кони их цокали по камням. Дворцовая челядь и стражники мрачно поглядывали на тамплиеров.

Их опасалось и население города.

Взявшие Иерусалим в 1099 году войска Годфруа Буйонского первым делом изгнали отсюда евреев. Потом евреи опасливо начали возвращаться и селились у крепостной стены в улочках северной части города. Кроме них стало много арабов, армян, персов, сирийцев. Латиняне обосновались в районе Сен-Мари ла Гранд, отделенном от мусульманских кварталов особой стеной.

Граф де Торрож считал, что все азиаты – воры. Процессия тамплиеров выехала на рынок, кишевший народом. Дымили жаровни, орали ослы, носились собаки, в шатрах трудились уличные брадобреи. Над человеческим морем держал равновесие канатоходец.

При виде Бо-Сеана рыночная толпа расступилась, как расступается перед форштевнем военного судна вода.

В латинских кварталах было и тише, и чище, но нищих и проходимцев – тоже в избытке.

Великий магистр подъехал к своей резиденции у южной стены. Она выглядела помещью крепости с церковью. Огромный храм на Сионском холме служил для парадных богослужений и для собраний верховного капитула.

Примет того, что резиденцию тщательно охраняют, не было видно, но граф знал, сколько воинов вырастет как бы из-под земли при первой опасности.

Во внутренних покоях утомленный де Торрож поспешил переодеться. Он был весь в мыле.

– Брат Гийом еще здесь? – спросил он у служки-монаха.

– Да, мессир.

Великий магистр дал облачить себя в льняную рубаху и мягкий кафтан, пристегнул пряжкой в виде львиной лапы плащ к левому плечу И прошел в зал. Стены его были задрапированы белой тканью с красными крестами в человеческий рост. У стены с двумя узкими окнами стоял большой деревянный стол. По краям его располагались два позолоченных подсвечника.

Брат Гийом сидел за столом и перебирал бумаги. Одет он был в черную сутану, лет ему было немного за сорок. На его вытянутом, всегда бледном лице синели холодные глаза. На щеках рисовались складочки, свойственные улыбчивым людям, но никто никогда не видел улыбку брата Гийома.

– Брат сенешаль болен, – доложил Гийом, – брат маршал осматривает арсеналы в Аскалоне, граф де Марейль сейчас прибудет. А граф де Рид... вы знаете его отношение...

Верховным органом власти в ордене считался капитул, составленный из магистров орденских областей и наиболее родовитых рыцарей. Но всех их собрать удавалось редко. Области ордена располагались во Франции, в Португалии, в Венгрии, в Испании. Магистры съезжались обычно лишь для того, чтобы избрать нового Великого магистра взамен ушедшего. И граф де Торрож действовал с куда большей свободой, чем было записано в уставе ордена. При нем находилось несколько родовитых рыцарей, они назывались «ближайшими» и реально руководили империей ордена.

Со двора донеслись голоса. Брат Гийом негромко сказал:

– Граф де Марейль.

Через несколько секунд в зал вошел невысокий старик плотного сложения. Он был подвижен, весел и совершенно седой.

– Ну что? – бодро спросил он, прохаживаясь по каменному полу и позванивая серебряными шпорами.

– Лекари-притворщики бросают новые камни нам под копыта?

– Вот именно, – сказал Великий магистр, – я только что от короля.

– И что сказал этот трясущийся собачий хвост?

– Когда я уходил, он трясся от страха, но сомневаюсь, что удалось его образумить. Увы.

– То есть? – тихо спросил брат Гийом.

– Он сделал вид, что подписал сервильную грамоту на Асфанерский лен по глупости. Не придал, мол, значения. Но я не верю. Слишком долго он все скрывал. Мы узнали об этом, лишь когда люди д'Амьена заняли этот несчастный караван-сарай.

Седой граф резко сказал:

– Он – безумец, забывший кому обязан... Мы можем...

– Умным я его никогда не считал, но ничего во вред себе он не делает»

– Рассчитывает, что мы сейчас не захотим скандала в его семействе, – сказал брат Гийом.

Де Торрож тронул свой правый бок.

– Может быть, может быть. Печень болит... – сказал Великий магистр. – Ты бы, брат, дал мне снадобье. У тебя много чего в подвалах.

– При недугах типа вашего воздержание полезнее лучшего зелья. Что толку в лекарствах, если вы пьете вино.

– Ладно, – махнул рукой граф, – вернемся к Бодуэну. Надо, в конце концов, позаботиться о династии.

– Бодуэн V – совсем ребенок, – заметил граф де Марейль.

– Пора обратить внимание на принцесс. – Великий магистр продолжал массировать бок. – Не то нас опередят.

Глаза брата Гийома были спокойны, граф де Марейль рассматривал де Торрожа с большим интересом. В случае чего он мог претендовать на перстень Великого магистра. И выше его сил было не думать об этом...

– Итак, принцессы, – сказал брат Гийом.

Де Марейлю судьба девочек была безразлична. Когда они жили при дворе, вокруг каждой из них образовалось подобие партии. Находились лихие рыцари, готовые обнажить ради них мечи. Это рыцарям Храма было запрещено поклоняться какой-либо женщине, кроме девы Марии, а остальным крестоносцам – как повезет.

– Итак, принцессы, – повторил Великий магистр. – Кто что о них скажет?

– Изабелла, судя по некоторым признакам, влюблена в Гюи Лузиньянского. А духовником Сибиллы стал с месяц назад отец Савари, тяготеющий к Госпиталю.

– Если Изабелла выйдет за Лузиньяна, получится неплохая пара для трона, – вздохнул де Торрож. – А откуда ты, кстати, знаешь насчет Изабеллы?

– Из этого письма, – брат Гийом продемонстрировал свиток. – Одна камеристка нас информирует.

– Савари, Савари... Я вспомнил, – воскликнул де Марейль, – он – прохиндей!

– А что в письме?

– Оно откровенное, хотя, мне кажется, далее переписки у них не зашло.

– Гюи пока там же, на Кипре?

– Да, мессир.

– Что-то он очень долго сидит на Кипре, – заявил де Марейль, желая напомнить о себе. Де Торрож взял из тонких пальцев монаха свиток с письмом принцессы, но читать не стал, на это не было сил.

– Что ты собираешься делать дальше?

Брат Гийом пожал плечами.

– Не решил. Пока отправлять не буду. Нужно выяснить некоторые обстоятельства.

– Ну, думай, думай, – Великий магистр порылся в своих бумагах. – Тут есть одно дело пикантного свойства. Вы слышали о Рено Шатильонском?

– Еще бы! – подпрыгнул де Марейль. – Наглец, каких мало. Весьма неучтив.

– Успокойтесь, граф, этот неучтивый молодой человек садит у нас под замком. И вот на моем столе королевский указ о его казни. – Великий магистр снова тронул свой правый бок и очень тихо добавил:

– Но это совсем не значит, что Рено Шатильонский и в самом деле будет казнен. А теперь оставьте меня, господа.

Глава X. ...Король иерусалимский

От основной территории «нижние пещеры» отделяла глинобитная стена. Ход сюда был через ворота, охраняемые стражниками. В углу огромного двора каменный пласт, возделывавшийся из земли, был изъеден глубокими щелями, а к нему пристроили крепкий сарай для содержания наказанных прокаженных.

Тут была монастырская тюрьма. Притом заключенные, почему-то не тронутые болезнью, обитали рядом, в менее гнусном бараке. Все это называлось «пещерами». Нижними...

Между «пещерами» находилась кухня, где работали полдюжины привилегированных узников. Им позволено было ходить за ворота, и возле кухни они были относительно сыты.

Анаэль обречен был мыкаться в заточении и изнывать от безделья, жары и жажды. Тут убивало безделье... Анаэль раньше умел лежать сутками без движения и месяцами молчать, притворяясь глухонемым сумасшедшим. Но тогда была достижимая цель. А теперь?..

Он попытался вспомнить несколько упражнений, но получил дубинкой по пояснице, плечам и почкам. Одноглазый надсмотрщик Сибр, который в тюрьме был главным, сказал:

– Не смей!

– Я не делаю ничего плохого.

Сибр повертел свою палку.

– Ты что, не понял?

Анаэль сидел в жидкой тени, прислоняясь к горячему камню. Из каменного сарая медленно, как во сне, тащились уже не похожие на людей прокаженные. Месяц назад, когда он впервые увидел здесь это шествие к пище, он содрогнулся, его стошнило. Теперь привык. Получив свои порции варева, жуткие существа оставались на солнцепеке. В сарае они задыхались, а тут был воздух, пусть и горячий.

К Анаэлю приблизился и устроился со своей миской рядом некто, от кого еще неделю назад Анаэль, ругаясь, отсел бы подальше. Лысая голова непрошеного соседа была вся в язвах, а вместо верхней губы висели зеленоватые ошметки. Он держал свою миску двумя руками и отхлебывал из нее, постанывая. На левой его руке не хватало фаланги большого пальца. Анаэль отвернулся.

– Послушай, – тихо, но четко сказал вдруг сосед по-арабски, – не хочешь стать прокаженным? На время.

Беспалый еще отхлебнул из миски.

У Анаэля не было сил разозлиться.

– Не понимаю, – вяло сказал он.

– Я выбрал тебя, – произнес беспалый на лингва-франка.

Взгляд его был пытлив.

Анаэль сплюнул. Беспалый продолжил:

– Скоро умру. А может, и нет. Но не хочу унести с собой тайну.

– Какую? – спросил Анаэль, не глядя.

– Всё! – заорал Сибр. – Всё! Прокаженные – под замок!

Беспалый допил свое, наклонился к уху Анаэля и прошептал, брызнув слюной:

– Я – король Иерусалимский.

Ясное дело, решил Анаэль, рехнулся бедняга. Но на завтра старик подсел снова.

– Я не сошел с ума. Стань прокаженным.

Взгляд его был осмысленным. Он отошел. Исподволь наблюдая за ним в этот раз и еще два-три дня во время еды, Анаэль уверился, что он франк и, возможно, не сумасшедший. Но с какой стати зовет себя королем? И что за тайны держит в себе? И зачем уговаривает Анаэля стать прокаженным?.. Было о чем подумать, и Анаэль загорелся.

Через неделю старик опять возник рядом.

– Я не могу ждать, – тихо и твердо сказал он. – Как объявиться больным, я тебя научу. А то прощай.

В тот день Сибр застал некоего заключенного итальянца врасплох: тот разглядывал пятна на своем теле. Вызван был монастырский лекарь, и воющего от ужаса бедолагу поволокли в сарай к прокаженным.

Анаэль решил немедленно оттолкнуться от дна и барахтаться, сколько есть сил. Наудачу.

Сибр беседовал с лекарем, сидя на лавке. Анаэль подошел и сокрушенно сказал, что, кажется, тоже болен.

– Что-о?! – оба воззрились.

Анаэль показал свои ноги с язвами и чесоточной сыпью.

Лекарь, покряхтивая, осмотрел их.

– Ну, что? – поинтересовался Сибр. – Да ты погляди на его рожу... Это – проказа, он знает сам.

– Я здесь пять лет, – сощурился лекарь, – но не видел еще дураков, желающих перейти к прокаженным.

Надсмотрщик встал, охватил рукой подбородок Анаэля, повертел его голову и поставил диагноз:

– Лепра.

Лекарь перекрестился, пожал плечами.

Внутри сарай был разделен кирпичными переборками. Образовалось два ряда стойл. Левый ряд был утоплен в камень скалы, в отделениях правого ряда под потолком светились окошки. Они смотрели в безоблачное небо. Сарай был пропитан запахом тления плоти людей. Треть больных разлагалась заживо. Им приносили еду самые сердобольные из ходячих. Умерших из сарая вытаскивали крючьями, их тела принимала свалка.

«Король Иерусалимский» лежал в глубине сарая, в особо темном и затхлом «номере». Анаэль отыскал его, как только глаза привыкли к темноте, а обоняние – к воню.

– Наклонись ко мне, – повелел «король», чтобы как следует рассмотреть внезапного гостя. – И займи соседнюю келью.

Анаэль послушно заглянул туда и ощутил мощный смрад.

– Там кто-то есть.

– Перетащи его в угол, где деревянная колонна. Он не почувствует.

Перебарывая отвращение, Анаэль взялся за край подстилки и отволол тихо стонущего бородача куда было велено.

– Ложись на его место и вынь два кирпича из стенки.

Анаэль, преодолевая себя, брезгливо лег на еще теплый каменный пол, нащупал в переборке незакрепленные кирпичи... Образовалось окошко. «Король» спросил:

– Как ты проник к нам?

– Вы же велели...

«Король» зашипел:

– Я спрашивал твоего согласия и думал тебя научить... Тебя смотрел лекарь?

– И Сибр. Я показал им следы своих старых ожогов.

Король пошамкал отсутствующими губами.

– Может быть, ты действительно болен? Тогда ты не нужен.

– Нет, ожоги воспалены. Так бывает.

Физиономия «короля» исчезла. Из его кельи доносились бульканье и покашливания. Анаэль никак не мог понять в чем дело! Что он сделал не так?! И чем это грозит?

– Ладно, – «король» всплыл из мрака, как спрут из подводной расщелины. – У меня нет выбора. Раз уж я выделил тебя... А знаешь, почему? Ты страшен. Тебе легко притвориться прокаженным.

– Понятно.

Старик отвратительно захихикал.

– Не спеши так говорить. Но то, что тебе надлежит понять, ты поймешь, клянусь ангелами, архангелами и престолом Господним.

– Слушаю вас, ваше величество.

– Ты притворяешься или поверил, что я – Бодуэн IV?

Слова эти произнесены были свирепым свистящим шепотом.

– Да, ваше величество, верю.

– Ты поверил мне, я поверю тебе. Если ты умный, сам догадаешься, кто меня посадил сюда. На троне – двойник. Его научили ходить, как я, так говорить. А когда я заболел...

Старик замолчал, тяжело дыша. Отдышавшись, хихикнул:

– Они легко отделались от меня, но главного не получили, хотя отняли у двойника трапезную. Ты меня слушаешь?.. Сама трапезная ни при чем, – старик говорил все быстрее. – Однако под ней находились...

– Я слушаю, ваше величество, – прошептал Анаэль.

– Под ней находились конюшни царя Соломона, – теперь и он снизил голос до шепота. – А в этих конюшнях скрыты огромные ценности. Они не сумели их отыскать. Тайник не дается псам. Это – скала! – Старик захлебнулся кашлем, его колотило. – Богатство у них под носом, они его чувят. А я отдам остаток своей никчемной вонючей жизни за то, чтобы кто-то увел сокровища.

– Кто они? – осторожно справился Анаэль.

– Те, кто держит в железной перчатке сердце Святой земли. Кем пугают паломников. Кто построил эту тюрьму под видом богоугодного заведения. Кто носит белый плащ – символ чистоты – с красным крестом, символом крови, пролитой за веру...

– Рыцари Храма...

– Тише! И среди умирающих есть шпионы. Может быть, их наймиты таятся и в шкурах ангелов Господних.

Вымолвив это, король замолчал. Анаэль его не торопил. Король спросил:

– Ты не христианин?

– Почему вы решили, ваше величество?

– Я богохульник, и всякий истинный христианин считает долгом вслух осудить мои речи, хотя бы он разделял мои чувства.

– Я не смел перебить вас и молча перекрестился.

– В самом деле, не мог иноверец попасть в тюрьму христианского лепрозория. Что же ты молчишь?

– Мне нечего сказать, Ваше величество, я жду, что скажете вы.

– Не лги своему королю. Ты должен страстно желать, чтобы я выдал тебе приметы... Тайник.

– Да, ваше величество, я желаю... И жду с великим смирением вашего благословения на подвиг веры.

– Ты притворяешься благочестивым, – уверенно сказал старик. – И притворяешься правильно. Стало быть, не слишком глуп. И я надеюсь, что ты их обманешь.

Король приглушенно захохотал. Так смеялась бы жаба-гигант, если бы кто рискнул ее щекотать.

– И не воображай, – сказал он, – что я тебя полюбил. Ты мне отвратителен, потому что здоров и можешь как-нибудь уцелеть, улизнуть отсюда и даже разбогатеть. Но они мне противны. Держи...

Король просунул в отверстие изувеченную болезнью руку, на ладони его лежала металлическая пластинка.

– Что это? – тихо спросил Анаэль.

– Объясню. Но сначала ты мне обещай...

– Что именно?

– Если доберешься до сокровищ, ты попытаешься меня вызволить. Это возможно. Везде, где тамплиеры, всем правят деньги. Придется потратить их много, но поклянись – ты сделаешь это!

– Клянусь!

– Ты поспешил ответить. А стоило бы подумать. Ведь если обманешь, я тебя прокляну. А проклятия прокаженных всегда сбываются. Тем не менее ты?..

– Клянусь!

– Ну, так слушай. Ты знаешь Сионский холм в Иерусалиме?

– Я не бывал там.

– Это неважно, всякий его покажет. На нем стоит здание их капитула. Проникни на территорию. Остальное – на этой табличке. Пометки процарапаны иголкой. Это – тонкое серебро. Если что, сверни ее в пальцах и проглоти. Но уж испражняйся тогда в укромном месте.

Анаэль принял табличку, она была меньше лепестка мака. И что на ней можно изобразить?..

Старик отвалился от амбразуры и тяжело дышал.

– Жаль, – сказал он в темноте.

– О чем вы, ваше величество? – снова припал к проему в стене Анаэль.

– Не представляю, как ты уберешься отсюда. – Но даже если у тебя получится, во что я, признаться, не верю, и ты войдешь в Святой город, ты не попадешь в капитул. Правда, есть столб. Единственный.

– Какой же, Ваше величество?

– Не кричи так, а то кое-кто удивится, услышав наш разговор. А чтобы наверняка войти в капитул, придется тебе стать тамплиером.

– Но здесь, по-моему, не принимают в рыцари Храма, – сказал Анаэль.

Королю понравилась шутка подданного, он захихикал. Но Анаэль не шутил. Он пытался представить толщу преград, загородивших путь к свободе и поиску сокровищ, в существование которых хотелось верить. Могло стать, что он до конца жизни будет мечтать о них, валяясь, в компании заживо гниющих арестантов. Постепенно он задремал. Его разбудил свистящий шепот старика:

– Послушай, дикарь, у меня предчувствие. Что-то случится. С тобой, со мной – я не знаю. Какая-то перемена.

– Не понимаю.

– О, дьявол! Я сам не понимаю, я чувствую. Быстро тащи на место того бородатого... И уходи отсюда подальше, в любую свободную келью. Ты понял?..

– Я понял, – сказал Анаэль.

Глава XI. Разговор на рассвете

С нового места подняли его до зари два стражника. Они связали ему сзади руки и молча вывели за ворота.

Занимался рассвет. После теплой вони сарая воздух казался холодным. Анаэль решил, что его казнят. Ну и пусть. Хорошо, что успел проглотить серебро. Правда, насухо, и оно оцарапало что-то внутри. Пищевод?..

С мертвой равнины моря поднялся и наплывал на крепость липкий туман. Час тумана – лучший для нападения на обитель Святого Лазаря... Хорошо бы, напали сельджуки...

Анаэля вели не к конюшням, где виселицы и эшафот, а почему-то в собор, из которого слышалось пение монахов. Навстречу медленно отворились широкие двери и вышли десятка два согбренных послушников в опущенных на глаза капюшонах.

В соборе было темно. Стражникам темнота не мешала. Держа Анаэля с обеих сторон за предплечья, они провели его к алтарю и втолкнули в дверь слева от возвышения.

В хорошо освещенной комнате перед распятием на коленях стоял молившийся человек. Не развязав Анаэлю рук, оба стражника испарились.

Человек поднялся. Анаэль вспомнил и замок Алейк, и Агаддин. Он напрягся, предчувствуя разговор, который снова ввергнет его в кошмар.

Новый хозяин его судьбы оказался огромен. Лицо его закрывала белая маска. Анаэль приготовился ко всему. После улыбки короля Иерусалимского его вряд ли что-то могло потрясти. Но все же вздрогнул.

Белолицый великан молча рассматривал Анаэля сквозь прорези маски.

– Как тебя зовут? – спросил он наконец хрипловато. – Впрочем, я знаю. Ты – Анаэль.

– Я Анаэль, – подтвердил тот, поклонившись. Поклон не бывает лишним.

– А меня зовут брат Ломбарде. От меня здесь зависит многое, если не всё.

Анаэль пошевелился. Кисти его рук затекли, теперь стали неметь предплечья.

– Неудобно? – участливо спросил брат Ломбарде. – Потерпи. Я задам тебе один вопрос. Догадываешься, какой?

– Нет.

– Нет? – белое полотно колыхнулось, брат Ломбардо, видимо, усмехнулся. – Ты не прост, хотя и стараешься. Где тебя изувечили?

– Был пожар...

– Не хочешь ответить. В конце концов, не мое дело. Меня интересует другое – зачем ты выдал себя за прокаженного? Я давно за тобой присматриваю.

Анаэль не имел никакой убедительной версии, поэтому предпочел молчать.

– Ну же? – в голосе маски проявилось раздражение. – Ответь. – Было так тихо, что слышался треск горевшего в светильнике масла. – Скажешь, вправду подумал, будто тебя прихватила наша болезнь?

– Да, я так решил, – разлепил сухие губы Анаэль.

– Но ты же не мог не знать, что в лепрозории не выживают. Почему ты не захотел побыть на свободе, притворяясь здоровым?

– Мне опротивела жизнь, – заявил Анаэль.

– Зачем же ты перед тем пытался бежать из монастыря? При господине де Шастеле тебе было неплохо.

– Опротивела ваша тюрьма, – рискнул сказать Анаэль, снова уверяясь, что ему все равно конец.

Белая маска снова всколыхнулась.

– А, ты свободолюбив! Не сумев обрести полную свободу, решил пренебречь частичной?

– Читаешь в моей душе, – огрызнулся Анаэль в преддверии виселицы.

– Напрасно показываешь клыки. Ты мог бы начать совсем новую жизнь, если...

Анаэль снова вспомнил и Агаддин, и ночную беседу в капелле:

Тем временем брат Ломбардо туманно сказал:

– Наш орден несколько необычен. Мы не воинственны и работаем не за деньги. Наш орден Святого Лазаря объединяет людей с благородным сердцем, не обязательно благородного происхождения. И, если хочешь знать, организован он знатными итальянцами, но принимает к себе христиан любой нации... Однако ты словно не понимаешь...

– Нет, я слова понимаю, но, Господь свидетель, я никак не могу уловить общий смысл, – сказал Анаэль, продолжая игру.

– Смысл? Ты ведешь себя странно. Взятый с плантации раб не бросает теплого места ради призраков свободы. Человек с рабским сердцем никогда не пойдет в тюрьму-лепрозорий по доброй воле.

Нам нужны сильные духом сподвижники. Рыцари ордена Святого Лазаря не обладают земными благами, не совершают великих воинских подвигов. Ты это понял?

– Боюсь, и теперь... Ты хочешь, чтобы я стал...

– Именно. Можешь стать рыцарем. Не рыцарем вообще, для чего все же требуется хоть капля голубой крови в жилах, но рыцарем ордена Святого Лазаря.

– А если не соглашусь?

Брат Ломбарде ответил не сразу. Он был разочарован.

– Если не согласишься, отправишься на свою вшивую подстилку.

Анаэль попробовал двинуть плечами, он их уже не чувствовал. Шею ломило. А предложения брата Ломбарде казались очередной ловушкой. Интуиция подсказывала Анаэлю, что, если он согласится надеть черный плащ с красным крестом, он тем самым покончит со своим будущим. Лучше – сарай тюремного лепрозория.

– Я не согласен, – произнес он угрюмо.

– Хорошо, – быстро сказал брат Ломбардо, как будто не удивясь, что само по себе было весьма удивительно. – Иди, дикарь.

С этими словами Ломбардо откинул ткань со своего лица, и Анаэль увидел округлую, слегка улыбающуюся, не тронутую болезнью физиономию. В руке у брата Ломбардо находился кинжал.

– Повернись-ка ко мне спиной.

Он не вонзил Анаэлю кинжал под лопатку, а лишь перерезал веревки и подтолкнул его к выходу из комнаты.

Там Анаэль попал в руки тех же молчаливых стражей. Его вывели из простого собора в утро. Звучал колокол, и к собору брели монахи. Стражники препроводили Анаэля к главным воротам. Там стояли четыре оседланные лошади, рядом топталось несколько рыцарей, экипированных в путешествия по беспокойным дорогам Святой земли. Стражники подвели Анаэля к ним. Один спросил, дернув носом:

– Чем от тебя разит?

– Проказой, – ответил за Анаэля стражник.

Рыцарь сказал бывшему прокаженному:

– Поскачешь на рыжем коне. К нам не приближайся. У седла мешок с едой.

– Кто вы? – спросил Анаэль.

Рыцарь приблизил железную рукавицу к его лицу и безглаголюще сказал:

– Если бы не было мне противно, я бы вбил твой вопрос тебе в глотку.

Анаэль повернулся к указанной лошади, попытался перекинуть повод, а руки не слушались.

К чему же теперь готовиться?

Его спутники были в седлах, не оглядываясь, они поскакали к воротам. Их уже открывали сонные стражники. Кое-как Анаэль влез на рыжего коня, дернул повод, животное рысью пошло на дорогу.

У надвратной башней вкопаны были две свежие виселицы. В одной петле висел надсмотрщик Сибр, в другой – колыхался лекарь.

Глава XII. Ночная серенада

Перед каждым ночлегом спутники связывали Анаэля. Во время очередной процедуры Анаэль рассмотрел на пальце одного из них перстень с печаткой, изображавшей двух всадников на одном коне. Точно такой был у господина де Шастеле. Возможно, перстень свидетельствовал о том, что обладатель его имеет отношение к ордену тамплиеров. Если сопровождающие его рыцари, подумал Анаэль, служат ордену Храма, все становилось значительно интереснее.

Господа рыцари обращались к нему нечасто и с бранью. Нетрудно было понять, что путешествуют они вместе с ним не по своей воле и, если бы не какие-то обстоятельства, с удовольствием вздернули бы его на первом суку. На привалах Анаэль получал косые взгляды и обглоданные кости. Они ехали по густозаселенным землям, по возможности объезжая стонной деревни и постоялые дворы.

Вспоминая казненных у въезда в монастырь, Анаэль думал о том, что, возможно, с ними расправился кто-то, кто знает, кого Анаэль мог встретить в «нижних пещерах», и не желал такой встречи. Но почему тогда не прикончили Анаэля – носителя тайны?

Когда человек ввергнут в такую неопределенность, в нем нарастает желание вырваться. И Анаэль решил убежать. На этот раз – наверняка. Он присматривался к своим спутникам, изучал их привычки, проверил узлы веревок, какими они его вязали, и их чуткость во сне. Рыцари были во всем добросовестны...

На исходе четвертого дня путешествия они разжились вином в одиноко стоявшей усадьбе. Ее хозяин, старый хромой сириец, увидев ворвавшихся к нему вооруженных людей, решил было, что это – грабители... В конце концов он, причитая, вынес христовым воинам два больших кувшина вина и козий сыр. Рыцари прихватили к сему упитанного барана.

Пиршество устроили, едва отъехав на три полета стрелы, у ручья, за которым стеной стоял виноградник. Шпалеры его поднимались на холм к полуразрушенной башне. Все это скрыла черная теплая ночь.

Анаэль устроился, как обычно, в сторонке. Ему бросили сыр. Пламя костра выхватывало из темноты бородастые лица рыцарей, занятых разделкой барана.

Воины опьянели быстро и сильно. В перерыве между кувшинами они связали Анаэля кое-как. Он слегка напряг мышцы, когда его оплетали веревками, но захмелевшие тамплиеры этого не заметили. Когда он расслабил мышцы, веревки несколько ослабли.

За вторым кувшином они запели канцоны, чего им, монахам, делать не полагалось. Когда зазвучала сирвента Бертрана де Барна в честь его дамы, Мауэт де Монтаньян, Анаэль попытался ослабить узы.

Они лишь на первый взгляд были затянuty кое-как. Рыцари дело знали. Обливаясь потом, ломая ногти, Анаэль трудился изо всех сил, стараясь притом не шуметь. Но сочинение неизвестного ему трубадура оказалось почти бесконечным. Когда оставшийся наедине с сирвентой певец добрался к ее последним словам —

Ты, Пагиоль, на лету
Схватив суть жгучих речей,
Спеши к Да-и-Нет, мотив
В дороге не позабыв, —

пленник освободился от уз.

Гуляки были уже «хороши». Они не могли уже петь и рассорились, призывая деву Марию.

Анаэль отполз к ручью и перебрался через него. Цепляясь за корневища лоз винограда, косясь на луну, поднимавшуюся из-за холма, Анаэль побежал вверх к башенке между шпалерами винограда и на бегу обсыхал, опасаясь получить в спину пущенную из арбалета стрелу.

Когда виноградник кончился, Анаэль остановился и обернулся, чтобы проверить, нет ли погони. Но кто-то набросил ему на шею кожаную петлю, и сверкнуло у горла лезвие ножа.

– Молчи, – услышал он шепот.

Анаэль и не думал сопротивляться, не видя напавших.

Его подхватили под локти и потащили по склону вверх. Скоро он очутился в подвале со сводчатым потолком, возле костра, горевшего на полу. Его поставили на колени перед сидевшим на камне бритым человеком средних лет. Он был одет в козлиную безрукавку мехом наружу, под ней – голое тело, а в ухе – серьга по моде пиратов. Он ухмылялся.

– Где вы нашли это чудище? – спросил он. Анаэль был похож на лесного дьявола – в грязных лохмотьях, мокрый и бородатый, с жуткими шрамами на физиономии.

– Выскочил из виноградника, – просипел кто-то.

– От кого ты бежал?

Анаэль молчал, лихорадочно соображал, кто эти люди. Разбойники? Или кто? Явно не мусульмане, не христиане.

– Будешь молчать, – сказал краснорожий главарь по-арабски, – мы подвесим тебя на крюке над огнем... Кто ты?

– Я – красильщик, – поторопился вымолвить Анаэль. – И отец мой – красильщик в Бефсане.

Это было первое, что пришло в голову, но, вероятно, не лучшее...

– Что у тебя с лицом? Твой отец размешивал твоей башкой краску?

Разбойники, если они разбойники, захохотали.

– Ты угадал. Красильное дело такое... Я обгорел.

– Ладно, плевать. Так от кого ты бежал?

– Отец послал меня с образцами в Тивериаду. Вооруженные люди на лошадях...

– Поймали тебя на дороге?..

– Ты угадал! – Анаэль изобразил удивление. – Я не успел отпрыгнуть в кусты.

– Куда они едут?

– Не знаю, они не сказали.

– Где они?

– За виноградником у ручья разложили костер.

– Как это ты удрал?

– Они пьют вино и ничего не соображают.

Среди разбойников произошло движение.

– Если ты нас обманул, – сказал главарь в козлиной безрукавке и пожевал толстыми губами, – если там ждет засада, мы тебя просто прирежем. А если не врешь, я подумаю, что с тобой делать, красильщик.

Вожак рассмеялся, он был весельчак. После выяснилось, что он – известный разбойник.

Анаэля связали и бросили в сторонке на какую-то шкуру. Там, в относительном одиночестве и в полумраке, он наконец пораскинул мозгами. Несколько разбойников ушли из подвала с оружием. Если они и не найдут рыцарей, то хоть увидят остывающее кострище. А что будет дальше?..

Размышления Анаэля были недолги. Вернувшиеся разбойники кричали, перебивая друг друга, по-арабски, по-арамейски и на испорченной латыни о том, что нашли становище

рыцарей и прирезали их во сне. Это дело тут же отпраздновали винопитием, плясками и восторженным воем.

Анаэля не трогали, и он уснул как убитый.

Утром его разбудил Весельчак Анри. Приложив толстый палец к губам, сделал знак следовать за ним. Округа была залита белым туманом. Восток набух светом восходившего солнца. На западе воздымалась гора Гелауй.

– Там, – сказал Анри, указывая на север, – твой родной город. Мы скоро пойдем туда.

– Зачем? – спросил Анаэль.

Весельчак усмехнулся.

– Узнаешь. Ты нужен мне, понял?

– Готов служить, если сумею.

– Еще бы. Меня зовут Весельчак Анри. Слышал обо мне?..

Анаэль пожал плечами.

– Ну так учти, Красилиц. Комтуры всех городов побережья, от Тира до Аскалона, мечтают меня поймать и объявили награду за мою голову. Я их осчастливил: ушел от них сюда. Пусть копят денежки до моего возвращения. Ты – здешний, и очень мне кстати.

– Я покажу, что знаю, – сказал Анаэль, – не только Бефсан, но и Анахараф, и Безен. Я знаю тайные калитки в крепостных стенах, знаю, где испражняются стражники...

Весельчак Анри кивал, а услышав об отхожих местах стражников, усмехнулся. Ему понравилась тирада пленника.

– Как тебя звать? – спросил он.

– Анаэль.

– Ты иудей? Перс?.. Может быть, армянин?.. Сириец?

– Мне известно, что мать была дейлемитка, а отец – с севера, из Халеба. Но я – христианин. Меня окрестил латинский священник.

Весельчак Анри достал из кармана кожаных штанов перстень с тамплиерской печатью.

– Ты знаешь, что это?

– Я видел такой у одного из рыцарей, которые захватили меня.

– Я спрашиваю, знаешь ли ты, что это такое?

– Нет, – Анаэль решительно отклонился.

Анри спрятал перстень.

– Так вот, сын дейлемитки, я рад, что ты попал в мои лапы около своего дома и знаешь все потайные калитки. Но важнее другое: поблизости твой отец и... кто еще?

– Две сестры, – тихо ответил Анаэль, – мать умерла.

– Это значит, что ты нас не выдашь. Пока они живы.

Глава XIII. Сестры

Единокровные сестры Сибилла и Изабелла, дочери иерусалимского короля, не походили одна на другую. Старшая на полтора года Сибилла ничем не блистала и выглядела бесцветной. Изабелла – не то. Она была энергична, неукротима, порой казалась даже свирепой, притом – государственного ума.

Изабелла склонна была помыкать старшей сестрицей, при случае тормошила ее и норовила втянуть в авантюры. Сибилла пряталась от нее, вздыхала, молилась и иногда лила слезы.

Когда расстались, Изабелла с небольшим, но пышным двором отбыла в Яффу, Сибилла же поселилась в полумонастырском заведении под Иерусалимом по дороге к Вифлеему. Чинный порядок этого заведения соответствовал ее нраву. Она подолгу сидела в саду с жасмином и розами, не пропускала церковные службы, а появление нового духовника ее обрадовало. Обходительный и говорливый иоаннит отец Савари поддержал увлечение Сибиллы книгами отцов церкви. Он живо и целомудренно их комментировал. И не пытался использовать свое влияние на нее. Она с детства знала, что ей, возможно, придется царствовать как старшей дочери короля. И сторонилась людей, заискивающих перед ней с очевидным прицелом на будущие выгоды и блага. Политика ее не интересовала. Ее привлекала роль мученицы за веру, например, святой Агнессы. Она развивала эту тему в беседах с отцом Саварий о женах-мирроносицах и о ранах Христовых, разрывавших сердца Марфы и Марии. Он давал ей выплакаться, молился вместе с нею. Он никуда не спешил, не настаивал ни на чем и готов был ей растолковывать любое слово Святого Писания в сто первый раз.

Поскольку Сибилла не знала, куда ее ведут, она считала, что ее беседы с отцом Саварий – всего лишь богоугодное времяпрепровождение. И вот однажды августовским утром говорливый иоаннит мог поздравить себя с тем, что основная часть пути – от оплакивания ран Христовых до признания прав ордена госпитальеров на ведущее положение в Святой земле принцессой проделана. Она согласилась посетить госпиталь Святого Иоанна в Иерусалиме, этот монумент моральной мощи ордена, самую знаменитую и, может быть, самую большую больницу в мире.

– Она потрясена увиденным, – сказал отец Саварий графу д’Амьену.

Достигнув решающего влияния на короля, великий провизор не без основания считал, что сегодняшний день ордена госпитальеров в некоторой степени обеспечен и надлежит беспокоиться о дне завтрашнем.

– За один этот день она пролила слез больше, чем за все время нашего общения, – самодовольно сказал отец Саварий.

– Слезы – самая мелкая монета в кассе женской души, Саварий.

– Только не у такой, как принцесса Сибилла, мессир. Не представляю себе соблазна, который собьет ее с пути истинного.

– Ну-ну, – сказал д’Амьен.

– К тому же я рядом с ней пять дней в неделю.

– Ваш дар известен, – кивнул великий провизор, – но дела, в которые замешана женщина, оценивать лучше по результатам.

Проповедник не стал спорить и почтительно облобызал руку великого провизора.

Ни один, ни другой не знали, что по возвращении в свою келью принцесса Сибилла нашла у себя на подушке некое письмо.

Совсем по-другому жила Изабелла в Яффе.

Она устроилась по-королевски. Каждое утро к ее выходу являлись десятки рыцарей, следовавших за нею из столицы. В Иерусалиме Бодуэн IV как-то сразу всем опосты-

лел своими болезнями, затворничеством и скупостью. За последние четыре года он всего несколько раз появлялся перед подданными и со своими детьми виделся мельком. Его поведение порождало разные слухи. Но всем наскучило обсуждать, лихорадило короля накануне или у него желудок расстроен.

Дворяне, особенно молодые и бесшабашные, в Яффе при молодой принцессе жили довольно весело. Но обитатели Яффы не радовались. Сотня рыцарей с оруженосцами, слугами, лошадьми, как саранча на пшеничное поле, обрушилась на этот город. Вольные художники и мелкие авантюристы собрались в Яффу со всего побережья, от Газы до Аккры.

Сэкономив на Сибилле, Бодуэн выделил Изабелле приличное содержание, но только сама принцесса и ее мажордом, фантастически ей преданный эльзасец Данже, знали, до какой степени ей не хватает средств на увеселения.

Рано поутру, когда развеселая братия укладывалась спать, в городе и во дворце поселялась тишина.

Изабелла просматривала бумаги.

– Это что такое, Данже? Опять?! Тысяча двести бизантов?

– Да, Ваше высочество, – покашливая, отвечал сухой, как жердь, мажордом. – С учетом пени и налога.

– И каков же налог?

– Две пятых, Ваше высочество. В месяц.

– Почему же две пятых? Они сошли с ума!

– Они говорят, что брать с вас меньше они стесняются, боятся обидеть, Ваше высочество.

Изабелла встала из-за антиохийского столика, заваленного бумагами, и швырнула бумагу в камин.

– Что еще?

– Портовый пристав жалуется, что барон де Овернье зарубил на пристани лошадь кипрского купца.

– Чем ему не понравилась лошадь?

– Думаю, Ваше высочество, барон не попал по всаднику.

Изабелла усмехнулась, обнажив ровные зубы.

– Велите де Овернье заплатить за лошадь.

– Смею заметить, Ваше высочество, такие представления принято отвергать.

– Если бы барон зарубил купца, а тот случайно находился бы при оружии, в этом можно было бы разглядеть что-то рыцарское. Лошадь же – имущество. Достойно ли де Овернье покушаться на имущество какого-то купца? Простив барону, мы тем самым признаем, что он ведет себя неблагородно, не по-рыцарски.

Мажордом соображал в чем дело и соглашался.

– Вот именно. Я не желаю огорчать де Овернье и разрешаю ему заплатить за лошадь.

– Понятно, – кивнул Данже, – этот купец ошалеет от неожиданной милости.

– И впредь я повелеваю такие дела решать таким образом. И растолкуй всем, кто способен что-то понимать, смысл моего решения. Что касается Кипра...

Эльзасец не дал госпоже договорить:

– Кипр молчит.

– Это, наконец, странно. Гюи Лузиньян не показался мне молчуном.

Мажордом собрал пергаменты и направился к выходу. Остановился.

– Насколько я понял, у иудеев мы больше не одалживаемся. Две пятых!.. Тамплиеры дают деньги под десятую долю, и неограниченно...

Изабелла бросила взгляд на камин.

– Нет, Данже, ты не прав. Занимать придется у иудеев, даже если они потребуют больше двух пятых.

Лицо мажордома превратилось в вопросительный знак.

– Иудеям можно не отдавать, а тамплиерам – придется в любом случае.

В бело-красную залу дворца Великого магистра Рено Шатильонский вошел в ярости. В помещении находилось два человека – сам граф де Торрож и брат Гийом.

– ...как какого-нибудь поваренка возили в корзине по городу! – шумел Рено. – В мужицкой телеге! Меня, чьи предки пировали за одним столом с Карлом Великим! Вы меня можете убить, но не унижать!

Граф Рено был громадного роста, статен, с пышной бородой. Словом, с виду образец латинского рыцаря, ну, и пьяница, забияка, мот, бабник. Оставалось выяснить, не дурак ли.

– Присядьте, сударь, – мягко сказал Великий магистр.

Подвигав усами, Рено Шатильонский опустился на табурет, расставил ноги и оперся правой рукой о колено. После недели пребывания в подземной тюрьме, его модные узкие шоссы были изодраны во многих местах, от роскошного блио остались лохмотья. Лишь острые длинные пигаши торчали вполне независимо. Появление этой обуви с загнутыми носами было обязано графу Анжуйскому, таким образом скрывавшему уродство стопы.

– В корзине вас доставили, сударь, исключительно ради вашей безопасности, – вступил в разговор брат Гийом. – И разве можно унижить дружеским участием? – брат Гийом встал. – Вас могли распознать. И донести о вас его величеству.

– Ну и что?! – с вызовом спросил рыцарь. – Почему нашего, Богом спасаемого монарха, должно интересоваться известие о том, что граф Рено Шатильон разъезжает по столице?

– А вот почему, – брат Гийом взял со стола бумагу с большой королевской печатью и помахал ею.

– Что это?

– Что это?! – прорычал вдруг Великий магистр. – Королевский указ. В нем написано, что Рено Шатильонский приговорен к смерти за то, что неделю назад зарубил графа де Санти, которому его величество благоволил и был чем-то обязан.

Брови графа Рено сдвинулись.

Де Торрож продолжал:

– Вы задели короля, может быть, сами того не зная. Но это ничего не меняет.

Рено Шатильонский поиграл желваками, помрачнел и спросил:

– Почему этот пергамент у вас, а не у начальника стражи? Что вам от меня нужно?

Граф де Торрож улыбнулся.

– Ну, слава богу. Вы меня поняли. Оказывается, умеете не только махать мечом.

Рено поморщился.

– Хотя, граф, у вас в руках приказ насчет моей казни, прошу не фамильярничать. Итак?

Лицо Великого магистра побагровело от гнева, но брат Гийом умело перехватил разговор.

– Мы – не исчадия ада, – улыбнулся он. – И кроме этого пергамента у нас есть другие. Мы скупил ваши долги. Но требовать сразу расчета не станем. Вы поняли?

Рено Шатильонский отвел глаза и, втянув воздух, сказал:

– Извольте говорить яснее.

Брат Гийом потер кончик своего носа.

– Вам придется поехать в Яффу ко «двору» принцессы Изабеллы и сделать так, чтобы она увлеклась вами. Изабелла не страшилище, не старуха и не святоша. Поэтому мы считаем это поручение приятным и выполнимым. У вас будут расходы, вы захотите сменить экипировку, поэтому... вот. – Брат Гийом достал из эбенового ящичка большой кожаный

кошель. – Здесь двести мараведисов. Согласитесь, мы высоко ценим услуги человека, чьи предки сживали за одним столом с Карлом Великим.

– Прошу оставить моих предков в покое.

– Отправляйтесь, граф, отправляйтесь, – прогудел Великий магистр.

Когда заносчивый Рено вышел, подбрасывая на широкой ладони кошель с деньгами, граф де Торрож сказал:

– Я не слишком верю в успех предприятия. Девчонка умная, а ее страсть к Лузиньяну...

– Вы правы, мессир Уму принцессы Изабеллы могли бы позавидовать некоторые государственные мужи. Не случайно она выбрала Гюи, ведь за ним стоит Ричард. Но, думаю, подлинной страсти там нет. – Брат Гийом улыбнулся. – Тяга Изабеллы к Гюи, на мой взгляд, не такого характера. Я читал ее письма на Кипр. Они слишком разумны. Изабелла явно рассчитывает на трон.

Де Торрож усмехнулся.

– Пожалуй.

– Так вот, мессир, мысли Изабеллы – о восхождении на трон Иерусалима посредством брака с Гюи. А чувства – сами по себе. И появление такого самца, как Рено, ее растревожит. Он мастер любовных дел. Вот и посмотрим, что выйдет...

– Да, – пробормотал де Торрож, – Изабелла нам здесь не нужна. – А что Сибилла?

– Сегодня она получит первое письмо от неизвестного поклонника. Она немедленно изорвет его. И так поступит с десятью или пятнадцатью письмами. Читать их воспримет как грехопадение.

– А не отдаст ли она их этому Савари? Вот мерзавец!

– Ни в коем случае, мессир. Она хочет, чтобы ее считали полусвятой. Одно за другим она истребит эти письма, как дьявольское наваждение. Но яд любопытства будет разъедать ее душу все сильнее и сильнее. И на пятнадцатый день не получит очередного письма.

Де Торрож поднял удивленные глаза на самозабвенно рассуждающего монаха.

– И что?

– Она решит, что писем больше не будет. Ей станет жутко. И когда после трехдневного перерыва она получит шестнадцатое послание с кровавым пятнышком... Д'Амьен и негодяй Савари проиграли! Ибо аргументы амура убедительнее болтовни святоши.

Великий магистр взял со стола большую серебряную кружку с крышкой, откинул крышку и сделал несколько глотков.

– Не сказал бы, что мне очень нравится это пойло.

– Есть только одно лекарство, действующее мгновенно, – яд.

Де Торрож глотнул еще.

– Я понимаю, что выгоднее сделать королевой богомольную гусыню, и вместе с тем жаль спихивать в помойную яму постели Рено эту бойкую девчонку, ее сестрицу.

– Настоящая королева в Иерусалиме – слишком большая роскошь, мессир. Лучше пасти гусей, чем укрощать львиц.

Великий магистр постучал желтым панцирным ногтем по кружке.

– Прав-то ты прав, но не помогает мне твое зелье.

Глава XIV. Год собаки

Издавна богатые палестинцы заводили себе для охраны собак, получившихся в свое время от скрещивания македонских псов с аравийскими волкодавами.

Во дворах купцов, менял и домовладельцев бегали вислоухие чудища, рычавшие на чужаков, хрипло лаявшие по ночам и натасканные рвать незваных гостей. Он брал пищу только из рук хозяев.

Весельчак Анри придумал такую уловку: на стену спящей усадевки влезал какой-нибудь из его людей и, свесив ноги, дразнил желтоглазых псов. Арбалетчики со стены расстреливали их в упор. Дальше все просто. Но псы иногда вели себя не по схеме Весельчака, бегая по всему двору и лаем будя округу. Тем, кто спешил прорваться, от них доставалось. Вцепившись, они своих челюстей не разжимали. Как-то разбойник Кадм появился на холм с собачей башкой на бедре. Он ее, удирая, не мог оторвать и отсек кинжалом.

В развалинах башни стало невесело. Богачи, слышав о банде, прятали деньги и ценности в земляные ямы и разбегались.

В один из дней вожак потребовал от Анаэля показать ему свой дом в Бефсане. Не моргнув глазом, Анаэль подвел Весельчака Анри к дому горшечника Нияза.

Ночь была тихая и безлунная. Взмаивали собаки, журчала вода в ручье. В сотне шагов вверх по ручью находился дом Анаэля, покинутый несколько лет назад.

– Однако отец твой – не богатея, – негромко сказал Анри, всматриваясь в очертания строений.

– Богато живут лишь за крепостными стенами.

О горшечнике Ниязе Анаэль знал, что тот по бедности не держал собак, ему и еды хватало лишь для себя и жены-старухи.

– Не принесешь ли ты напиток, ночь больно душная, – тихо сказал Анри.

Двое стоявших тут же головорезов сказали, что да, пить им хочется тоже.

– Ждите, – сказал Анаэль.

Он это предусмотрел. Калитка за поворотом забора висела на кожаных петлях. Она отворялась без шума. Во дворе за годы мало что изменилось. Кувшин с водой, как и встарь, стоял под навесом...

Отхлебнув водицы, Анри сказал:

– Почему чем беднее дом, тем вкуснее вода?

Выглянула луна, встрепенулся воздух, серебряными пятнами пошла вода в ручье, зашелестела листва шелковиц. Плоские крыши домов ниже по склону холма высветились, как днем. Дружно загавкали псы за крепостной стеной.

– Я отнесу кувшин, – сказал Анаэль.

– Не надо, уже опасно, при луне любой палестинец выходит помочиться. Кувшин мы возьмем. А чтобы ты не считал, что ограбили дом... – Анри бросил через забор небольшую серебряную монету.

Анаэль надеялся, что после проверки его оставят в покое. Но он ошибся. Рядом с ним неотступно кто-нибудь находился. Не убежишь... Но Анаэль и не думал. «Телохранители» были громилами, как на подбор, а Анаэль еще оставался, по сути, калекой.

Однажды все-таки он решил объясниться с Анри и спросил, неужто он до сих пор не заслужил доверия?

– Ни вот настолько! – бодро сказал Весельчак, показывая свой ноготь. – Я обращаюсь с тобой, как ты того заслуживаешь.

– Но, клянусь Спасителем, я хочу знать – почему?

– Объясню. – Анри отбросил палку, которую очищал ножом. – Семья? Что мне твоя семья? Как сказал Спаситель, упомянутый тобой всеу, «оставь и мать свою». Так что если ты – настоящий христианин, для тебя семейство твое суть пыль под ногами.

– Не богохульствуй!

Анри небрежно перекрестился.

– Что касается наших дел, на виселицу ты у властей заработал, вспарывая прокисшие перины менял в Сейдоле и Хафараиме. Но, как знать, нет ли на твоей совести грехов пострашнее.

Анаэль потер руками лицо.

– Зачем же ты держишь при себе человека, внушающего такие мысли?

– А ты не указывай мне, что мне делать.

– Не понимаю, на что я тебе. Обуза. Проще – убить.

– Будешь очень просить – убью, – спокойно сказал Анри.

Шайка Анри была неплохо организована. Вожак принимал желающих к ней пристать по своему какому-то принципу, Он выбирал разбойников и одиноких искателей приключений из числа не самых свирепых. В шайке были и сарацины. Ближе к зиме, через пару месяцев, Анаэль понял главный расчет вожака: иметь под началом как бы ковчег, где каждой разбойничьей твари – по паре. Он собрал бойцов-силачей, самострельщиков и лучников, пару-тройку «длиннопалых» воров-умельцев. Здесь были и постоянный повар, и свой трубадур – маленький злобный провансалец, почему-то возненавидевший Анаэля. Он требовал, чтобы его звали де Фашон, но откликался и на имя Жак.

Осень 1184 года выдалась трудной для обитателей маленьких городов за Иорданом. Из-за реки налетали сельджуки. Разбойничали шайка Весельчака Анри и другие. Добычу в шайке Анри делили по справедливости, иногда споря, впрочем, о стоимости того и другого.

Анаэль как-то спросил, почему же ему не причитается ничего, хотя он участвует в налетах, рискуя жизнью.

– Ты – не член шайки, – сказал Анри.

– А кто я? – удивился Анаэль.

– Ты – добыча. Общая, между прочим. Хочешь, я тебя выставлю на раздел?..

Больше Анаэль об этом не заговаривал. О бегстве, конечно, думал. Но в шайке жить было лучше, чем в лепрозории и на плантации в Агаддине. Правда, любой, самый вздорный, каприз разбойников – и жизнь его оборвется. И Старец Горы Синан умрет без возмездия, и сокровища Соломонова храма останутся в тайнике. Анаэль вертелся ночами на пахнущих псиной шкурах, и видения мести тревожили его мозг. В Агаддине и лепрозории он выживал, как тварь, теперь ощутил себя прежним, хотя и в неволе. Опыт последних месяцев побуждал не спешить. Как одушевленный глаз, он одновременно видел близкое и далекое: кинжалы разбойников, замок Алейк, лепрозорий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.